

Анна Анакина
На краю обрыва...

Анна Анакина
На краю обрыва...

«Издательские решения»

2015

Анакина А.

На краю обрыва... / А. Анакина — «Издательские решения»,
2015

Даже за незначительные ошибки и проступки, совершенные по глупости,
жизнь спрашивает строго. За ложь, за ломку чужой судьбы платить
приходится зачастую не только собственным счастьем, но и жизнью близких.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	33
Глава 3	62
Конец ознакомительного фрагмента.	69

На краю обрыва...

Анна Анакина

© Анна Анакина, 2015

© Елена Лев, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

В романе использованы песни

Валерия Канера – «А все кончается»

Юрия Визбора – «Милая моя»

Елены Слюсарчук на слова Михаил Пляиковский – «Пролетают гуси над Таймыром»

Р. Чернобровова на слова И. Сидорова – «Люди идут по свету»

Словарь

*яркуль – высокий, крутой обрыв

*зауток – угол у русской печи

*прутолока – верхний брус в дверном проеме

*башлычить – руководить

*гачи – короткие до колен тёплые штаны

*гледень – наблюдательный пункт

*морква – морковь

*ботва – свекла

*Лиховилка – велосипед

В тексте присутствует (немного и не у всех персонажей) сибирский говор

Глава 1

Сентябрь 1973 год:

– Ребята! У нас к вам большая просьба...

Председатель колхоза – Козлов Кирилл Сергеевич – стоя в десятом классе между учительским столом и доской, обращался к ученикам. С последних парт слышались смешки.

– Да, да! Я понимаю, – строго посмотрел председатель в сторону слишком уж развеселившихся ребят. Говоря, он всё время тряс указательным пальцем, то ли грозил, то ли пытался донести до подростков свою мысль. – Каждый год нам приходится обращаться к вам за помощью. Но вы должны понимать: новые парты, доски, книги, учебники – всё это не появится из воздуха и ваша помощь колхозу очень необходима. Конечно, вы последний год в школе и можете сказать, дескать, вам уже ничёго не понадобится, но тут дальше будут учиться ваши братья, сёстры, а потом и детки...

Теперь уже стали смеяться все. Юноши, вытягивая шеи, словно мгновенно вырастая, громко хохотали, посматривая на девушек, и те, переглядывались друг с друзьями, прикрывая рты ладошками.

– И ничёго смешного, – стараясь выглядеть серьёзным, продолжил Кирилл Сергеевич свою ежегодную речь. – Вы станете взрослыми, кто-то уедет в город учиться, одни останутся там, другие вернутся. А кто-то сразу пойдёт работать на ферму. Одним словом останутся в колхозе. Ну, а ты Федька, – указал он на долгового парня, смеющегося громче всех, – после выпускного сразу в армию отправиши.

Федька хмыкнул и, перестав смеяться, насупился, обиженно глядя на председателя и по совместительству – отца. Парень выглядел старше других подростков – высокий, довольно-таки привлекательный и не очень-то похожий на ученика.

– Потом начнутсь свадьбы... – продолжил Кирилл Сергеевич, постукивая указательным пальцем по учительскому столу и с улыбкой делая паузы, многозначительно приподнимал брови, – ...пойдут детки... и всё повторитсь...

– И ваши дети тоже будут убирать картошку, – встав из-за последней парты, закончил речь председателя Федька. Его слова вызвали новую волну смеха.

Подождав немного, пока молодёжь успокоится, Кирилл Сергеевич продолжил:

– Завтре приедут студенты. Уроки в школе для вас на две недели отменяются, и прошу всех к восьми ноль-ноль не опаздывать.

– Есть! – вновь отличился Фёдор, вскочив и приложив руку к «пустой» голове. Видимо, грозный взгляд председателя на него не очень-то действовал, хотя после каждой выходки, Фёдор быстро садился, пригибаясь к парте. Но старания спрятаться от отца выглядели смешно при том росте, которым обладал парень.

– Успешь ещё накричаться, – ответил председатель и, погрозив сыну пальцем, вышел из класса.

– Тихо-тихо! – пожилая учительница – Клавдия Петровна – постучала указкой по ближайшей от неё парте. – Сегодня у нас уроки не отменены, так что, давай-ка, Фёдор, с тебя и начнём.

– А чё я-то? – пробасил председательский сынок. – Чуть чё, сразу Фёдор!

Кирилл Сергеевич, выйдя из школы, направился к старому коровнику. По весне шабашники закончили строительство нового, а этот хотели снести, да расчистить территорию под давно намеченное строительство правления колхоза. А то оно размещалось в доме, горевшем ещё до войны, немного подлатанном, да так и оставшимся, потому как всё время нужно было что-то строить другое. Вот и сейчас, председатель решил повременить со сносом старого

коровника хотя бы до окончания сбора урожая. В нём и надумали разместить студентов в этом году.

Пройдясь по бывшему коровник, теперь уже общежитию для студентов, Кирилл Сергеевич остался вполне довольный проведённой работой. Помещение вычистили, подлатали и разделили на три так называемые комнаты. Средняя часть преобразилась в подобие столовой. По её центру располагался длинный, узкий стол с лавками, пара тумбочек, с одной стороны, длинный умывальник с несколькими кранами и печка-буржуйка – с другой. Кормить студентов собирались здесь утром и вечером, да ещё отвозить обед на поле, приготовленный тут же. Для дополнительного обогрева помещения решили установить ещё пару буржеек в двух крайних частях коровника, превращённых в спальни. В правом крыле, решили поселить девушек, левое – отдать в распоряжение юношей. Запах свежеструганных досок, из которых соорудили лежанки для спанья, стол и лавки распространился по всему бывшему коровнику, заглушая стойкий «аромат» навоза. Хотя помещение хорошо вычистили и пол покрыли новыми листами фанеры, но коровник всё ещё давал о себе знать.

– Серёга! – обратился председатель к одному из пяти мужчин, усердно приводящих новоявленное общежитие в порядок. Закончив с нехитрой мебелью, они выстрагивали новые ставни для маленьких окошек. – Скажи бабам, пуцай еловых веток поболее накидають, глядишь, к утру и совсем запахи иные будут, да ешшо смола поможет, – посмотрел он на золотистые капли, выступившие на свеженьких лежаках. – Ничёго, нормально будет, лучше уж, чем в прошлом годе, – вспомнил он, как ходил по дворам и уговаривал принять на пару недель студентов.

Кого-то тогда определили по сеновалам. Кого-то пускали и в бани переночевать, а потом по ночам отгоняли от городских парней своих дочерей. Тут хотя бы все будут вместе и под присмотром. Помимо преподавателя, что должен приехать со студентами, председатель решил поселить в общежитие и двух престарелых сестёр Митрофановых, пообещав перекрыть крышу в их доме за время, проведённое ими в виде кухарок и надсмотрщиц за молодёжью. Старые одинокие женщины уж уследят за порядком. И местных не пустят в коровник-общежитие, и студентов не выпустят оттуда ночью.

Убедившись, что работы идут полным ходом, Кирилл Сергеевич направился проверить, как выполняет его задание парочка молодых девчонок, этой весной окончивших школу и оставшихся работать в колхозе.

Девушки, сидели на брёвнах за коровником и усердно набивали мешки соломой, предназначенные стать матрасами для студентов. Председатель вполне остался доволен и их работой. Похвалил, подумав не о том, хорошо ли будет спать студентам на этих мешках, а о том, что девчонки не кинулись в город, а остались в колхозе. В последние годы это происходило всё реже. Молодёжь норовила уехать. Ежегодно приезжали студенты, это было большой подмогой, но и соблазном для местных. С отъездом городских помощников и население Берёзовки резко сокращалось. И в основном сбегали из деревни девушки.

Убедившись, что все работы успеют завершиться к приезду студентов, Кирилл Сергеевич отправился дальше с проверкой по своему всё ещё большому хозяйству.

После уроков десятиклассники решили сходить на старую ферму, а потом в клуб на танцы. Уроки делать не надо, а чем ещё заняться в субботу вечером восьми девушкам и пятнадцати юношам? Этому классу повезло, парней оказалось больше, и выбирать барышням ухажёров было из кого. Девушки, взявшись под руки, шли, занимая по ширине всю дорогу. Сле-

дом, толкаясь, стараясь держаться именно за той, которая больше всего нравилась, вышагивали парни, неся портфели одноклассниц. А кому не хватило, делали вид, что только рады этому, понимая, что им уже не светит и в кино сидеть рядом с девчонками. Придётся лишь с тоской посматривать, как те или иные парочки, прижимаясь, друг к другу, целуются в темноте.

Проверив коровник и посмеявшись вдоволь над тем, как тут «весело» будет жить студентам под присмотром старух Митрофановых, славившихся своим вредным характером, как и положено старым девам, да над тем, что аромат явно не будет благоприятствовать хорошему сну, ребята отправились к клубу. Положенные танцы по субботам оказались отменены. На доме культуры, который чаще именовали просто клубом, красовался плакат о новом военном фильме – «Горячий снег».

Наташа, считающаяся самой красивой девочкой в классе, сопровождаемая Федькой и ещё одним долговязым парнем – Володькой, подошла к своему дому. Федька плечом отодвинул в сторону одноклассника, давая понять, что тот может быть свободным, и, широко и глупо улыбнувшись, облокотился на калитку, не давая возможности девушке зайти во двор.

– Дык как, завтра на танцы пойдёшь? – поинтересовался он.

– Не «дыкай». Сколько раз тебе говорить?

– А, – махнул рукой Федька. – Так пойдёшь али нет?

– Не знаю, – ответила девушка, стараясь забрать свой портфель, но Федька, спрятав руку с ним себе за спину, другой обнял Наташу и попытался поцеловать в щёку. Калитка предательски закрипела, готовая рухнуть под тяжестью навалившихся на неё молодых людей.

– Ну, дурак! – оттолкнула Наташа Федьку и немного отошла в сторону.

– А ты чё лыбишься?! – отлипнув от калитки, Фёдор шагнул в сторону Володьки. Тот и не думал уходить. Чуть отступив, остался стоять у забора, наблюдая и посмеиваясь над одноклассником.

– Федька! – резко крикнула девушка и дёрнула того за руку. – Прекрати, а то не пойду с тобой на танцы.

– Ага, – сразу переключился на неё юноша, широко улыбаясь, – Да он мне и не нужен совсем, я дык только, попужать, – и вмиг забыв о сопернике, вновь спросил: – Дык пойдёшь на танцы?

– Не «дыкай», – нравоучительно повторила Наташа. – А ты уверен, что завтра танцы будут? – прищурившись, спросила она.

– Ага, отец сказал, будем со студентами знакомиться и со студентками, – подмигнув, рассмеялся Фёдор. – А потом уже долго не будет танцев. Так что завтра последние.

– Ничего не последние, – отозвался Володька.

– Ага, – взглянул в его сторону Федька, – пока урожай не соберём, отец не разрешит.

– А чё делать тогда, семечки чёл лузгать? – поинтересовался отвергнутый юноша.

– Ну, чёго ты тут стоишь?! – уже не скрывая презрения, Федька вновь направился в его сторону, не выпуская Наташин портфель из рук. Соперник сделал несколько шагов назад, но уходить не собирался. Девушка в очередной раз попыталась вырвать портфель. Но Федька, обняв её, и поглядывая с торжествующей ухмылкой на одноклассника, сказал:

– Поцелуешь – отдам!

Володька, набрав полные лёгкие воздуха, шагнул к ним, стараясь помочь девушке освободиться от крепких рук Федора.

Но тот, выпустив Наташу из объятий, кинулся на него.

Воспользовавшись моментом, Наталья проскочила в калитку, крикнув Фёдору:

– Только посмей мне подражаться! Не пойду тогда с тобой никуда больше! И можешь сам за меня уроки делать, раз портфель не отдаёшь, – и побежала к распахнутым дверям дома, у которых уже стояла мать.

– Чёго ты за нами таскаешься? – зло проскрипел Федька в лицо Владимиру. – Чё, ешшо не понял? Тебе тут не обломится.

– Ешшо посмотрим, – ответил юноша и, повернувшись на пятках, закинул сумку на плечо. Направился по дороге, в сторону, откуда они недавно ещё пришли, не собираясь ввязываться в драку.

Хмыкнув, Федька сплюнул в сторону удаляющегося «друга» и, перегнувшись через забор, поставил портфель возле калитки. Затем ещё раз взглянул на уходящего Володьку, хитро усмехнувшись, но, видимо, передумав устраивать тому взбучку, махнул рукой и пошёл в другую сторону.

Мать сильно ударила Наташу по плечу, сказав:

– Добегаешься, принесёшь в подоле, убью!

– Чёго это ты, мать, расшумеласи тут? – вышедший из дома отец погладил Наташу по голове. – Иди дочка в дом, иди, – нежно сказал он девушке. Та, не дожидаясь очередного подзатыльника от матери, быстро юркнула мимо отца в распахнутую дверь.

– Гала, ну чёго ты её ругашь постоянно?

– А то! Вон, – кивнула жена в сторону удаляющегося парня, – ходит, как хвост приклеенный, а в армию уйдёт?..

– И чё? – прижал он к себе жену, поцеловав в лоб. – Уйдёт и придёт, а там и свадьбу сыграю.

Галина подняла глаза и посмотрела на мужа.

– Какую свадьбу? Паша, опомнись, ей учиться надо. Хватит того, что я тут осталась, коровам дойки мять! Нет уж... – она оттолкнула мужа и пошла к калитке. Взяла портфель, отряхнула его и, повернувшись, добавила: – Разве я этого хотела?! всю жизнь за меня все всё решают. Нет! – она покачала головой. – Нет, за неё я решать буду. Будет так, как я скажу!

– Ну-у-у... расшумеласи, – подходя к жене, улыбаясь, сказал Павел. – Мне иногда кажется, ты её совсем не любишь.

– Много ты понимаешь, – пробурчала Галина. – Не любишь... Зато ты сильно любишь. Девке семнадцатый год, а ты всё её, как маленькую...

– А тебе завидно, – Павел крепко, прижал к себе жену. Высокий, сильный, он всегда чувствовал себя немного неуклюжим рядом с этой маленького роста женщиной, так и оставшейся худенькой, как в девчонках.

– Ух, – недовольно выдохнула Галина, – не я виновата, что мой отец...

– Вот-вот и я об этом. Ну, не повезло тебе, почему же я Натаху не могу баловать? И потом, разве я не любил тебя такую же?

– Ну, ты и сравнил.

– А чё? Ну, не отец, так я тебя... – он провёл рукой по спине жены и, наклонившись, запустил ладонь под подол юбки.

– Ой, нахальник, ну ты и сравнил... – Галина оттолкнула мужа и побежала в дом.

Павел потянувшись, крикнул с удовольствием и подошёл к забору, облокотился на него и стал смотреть в темнеющее небо с появляющимися звёздами. Обладая характером способным забывать всё плохое, он помнил лишь хорошее, считая себя самым счастливым на земле человеком.

А как ещё можно думать, если отец с матерью живы, если сестра, как и хотела, стала врачом, если он уже семнадцать лет женат на своей Галке, если у его растут красавица дочь

и пара сорванцов. Конечно, счастливый. Жаль только, что когда-то самый лучший друг, даже брат, оказался предателем...

Подойв вернувшуюся с выпаса корову, Галина вышла с полным ведром из стайки.

– Гала! – позвала её любопытная соседка Любка. Её дом стоял по левую сторону от них.

– Что тебе? – остановилась у крыльца Галина.

– Я чё хотела спросить?.. – бегая по сторонам глазами, Любка явно не успела придумать, с чего бы начать, чтобы зацепить соседку. – Мы его... затвре ужо не выгоням скотину?

– Это почему? До конца следующей недели ещё, – ответила Галина, собираясь войти к себе в дом.

– А-а-а, ну тады хорошо. А ты его... знашь, завтра студенты приезжают? Ты за своёю-то следи, – крикнула Любка, словно боясь, что та её не услышит. – А то вона какá красавица вымахала! Парни прям табуном ходють!

Галина промолчала, лишь мрачно взглянула на соседку, и ушла. Зайдя в сенки, она, процеживая молоко, всё думала над словами Любки. Постепенно закипевшая злость вырвалась наружу. Галина выскочила из дома и подбежала к ограде, разделяющей их дворы. Любка, зная характер Галины, и не собиралась уходить. Слишком сильное желание почесать язык заставило её задеть больную для той тему. Ещё со школьных лет зависть мучила Любку, бегавшую за Павлом, да только тот и не смотрел в её сторону, а теперь и за Наташей парни хвостами ходили, не замечая Любкину дочь – Нюрку. Вот и старалась она при случае уколоть Галину. Хоть так сделать больно этой зазнайке, совсем непохожей на остальных, выросших в деревне. Галина никогда не выпячивала своё происхождение, но оно так и лезло в глаза всем, а особенно Любке, любившей посплетничать и считавшей, что соседка умышлено и говорит не как все, и делает всё назло ей.

– Это ты за своей смотри лучше! – выбежав из дома, прокричала Галина. – Это такие тихушницы, как твоя Нюрка и приносят в подоле. Вон, как у Селивановых, уехала на бухгалтерские курсы, а вернулась с байстрюком.

– Ты за мою не волнуйси, она у меня девочка скромная.

– Твоя-то скромная?! Да страшна она у тебя, а не скромная! – выплеснула Галина в лицо соседке.

Любка от злости чуть не задохнулась, набирая в лёгкие воздуха и забывая выдыхать.

– Что как паровоз распыхтелась-то? Знала бы, что ты такая язва, не позволяла бы Наташке с твоим Серёжкой водиться. А то, видите ли, Нюрке нельзя, – кричала Галина, кривляясь перед соседкой, – у Нюрке живот больной, перитонит был, а моя надрывалась твоего толстощёкого таскала.

– Ну и стерва же ты! А сколь я раз с твоими сопляками оставаласи, а? Ох и злая ж ты, потому и состарилась так рано.

– Что?! – от удивления Галина забыла, с чего началась их очередная перебранка. – Кто это старая?! Да я на пять лет тебя младше!

– То-то и оно чёе младше. А выглядишь на все десять старше. Всёя так и гово́рють. Давеча слыхала, как у магазина бабы о тебе сплетничали, – также, размахивая руками, Любка кривлялась перед Галиной. – Ну, все удивляются прям, и чёго это твой Пашка с тобой живёт? Ты же тошшая, как беркулёзница. Ешшо молодая-то ничёго была, а теперя вся иссохлася. И кожа у тебя... а-а-ай!.. – закричала Любка, пригнувшись. Но спастись от удара по лбу поленом, невесть откуда взявшимся в руке у Галины, не смогла. Оборванная на полуслове, она потёрла ушибленное место и, погрозив соседке кулаком, убежала в дом.

– Вот сучка! – отбросив полено в сторону, зло выругалась Галина. – Всё никак не уймётся. Старая. Ишь, что удумала. Ну, придёшь ты ещё за яйцами. Все об твою рожу наглуую разобью. Своих кур уморила, вот и сиди без яиц! – прокричала она вслед убежавшей соседке и погрозила кулаком.

Отдышавшись немного, пошла в дом.

Павел уже лёг. Присев рядом на кровать, Галина осторожно дотронулась до плеча мужа и тихо спросила:

– Ты спишь?

– Не-а, тебя жду, – повернулся он, обняв, потянул к себе.

– погоди, – прошептала она.

– Ребята уже легли, – постарался Павел успокоить Галину.

– Не, я не о том. Скажи, только честно. Я уже старая?

– Да ты чё? Опять с Любкой поругаласи? – усмехнулся Павел. – И чё вас с ней мир никак не берёт? Вы там ешшо побоишше устройте. Завтре ведь опеть в подружках ходить будете, а потом опеть...

– Ты честно мне скажи.

– Да чёго сказать-то?

– Я действительно старая уже?

– Гала, – Павел сел в кровати, – ну какá ты старая? Тебе всего-то... – он на секунду задумался, – ...тебе же... тридцать шесть годов? – заглядывая в глаза жене, неуверенно спросил он.

– Мамка моя и этого не прожила.

– Мамка твоя погибла, чёбы ты жила...

– А кто её просил об этом? Зачем она на фронт ушла? Она должна была рядом со мной находиться, а она бросила меня.

– Так война же...

– Война? А твоя почему туда не подалась?

– Моя? Дык, она же доярка, а твоя доктором была.

– И что с того? Меня она спросила, хочу ли я сиротой жить?!

– Ну чёго ты опеть? – он прижал к себе жену и стал с жаром целовать глаза, нос, губы...

– Да, погоди ты, – оттолкнула мужа Галина. – Почему всегда все за меня всё решают?

Почему?!

– Ну, кто чёго за тебя решает, чёго ты говоришь-то?

– Ты не понимаешь. Я так хотела в Ленинград и так никогда и не поеду туда. Я даже в Новосибирск не могу съездить.

– Дык давай поедим.

– Когда? А скотина? А дети?

– Давай на зимних каникулах? Любка за скотиной посмотреть. А то батя, видимо, уже и не вернётся. Да и мамка...

– Да что ты его хоронишь-то раньше времени?

– Дык операцию сделали, а ему не лучше нисколько, уже полгода прошло, а...

– Выкарабкается ещё. А Любке я животину не доверю. Отравит.

– Ну чёго ты говоришь? Никого она не отравит. Она ж только так языком мелить, а сама тебя любить.

– Любит? – усмехнулась Галина. – А почему тогда говорит, что я старая?

– Дык ето... она от зависти. Ты же у меня красавица, – притянул Павел к себе жену, и, больше не слушая никаких возражений, крепко поцеловал, попутно снимая с неё одежду...

Галина лежала и смотрела в потолок. Хоть ночь и давно вступила в свои права, но глаза, привыкшие к темноте, хорошо всё различали. Павел спал, а к ней дрёма так и не приходила. Слова соседки, а потом и разговор с мужем всколыхнули старую боль. Даже любовные утхи не смогли отвлечь её.

Она смотрела на потолок, стараясь вспомнить лицо матери. Ей ещё не исполнилось и четырёх лет, когда та, вслед за мужем ушла на фронт. Как могла женщина оставить ребёнка? Неужели не думала, что так и не вернётся?

В сорок третьем году, при очередном налёте, не успели спуститься в бомбоубежище. Разгребая развалины бывшего Галкиного и её родных дома, чудом нашли на лестнице старушку, прижимающую к себе женщину и двух детей.

Жена бабушкиного сына Анна и её пятилетний сын Виталик погибли. А вот сама бабушка Настя – Анастасия Егоровна – учительница математики, и маленькая Галя остались живы. Вскоре госпиталь, где они лежали, эвакуировали и, не спрашивая, старушку и девочку отправили с другими больными. Галя была ещё слишком мала, чтобы принимать решения. А бабушка... бабушка сильно пострадала и не совсем понимала, что происходит. Она лишь всё время звала сноху и внуков, крепко прижимая к себе единственное, что осталась от прошлой жизни. Единственное, что она всегда брала с собой, выходя из дома при бомбёжке – небольшую шкатулку с несколькими письмами-треугольниками да тремя казёнными конвертами. Только по этим письмам и поняли в госпитале, на какую фамилию записать пострадавших и то, что они родные друг другу. Иначе могли разделить во время эвакуации, но хоть в этом повезло.

Отправили на «большую землю» – постоянно бредящую пожилую женщину и маленькую девочку. Тогда для них этой землёй стала добротная, зажиточная деревня Берёзовка, расположенная недалеко от быстрой реки Бердь в Новосибирской области. Так и остались они тут, когда многие возвращались после войны в Ленинград.

Только в поезде бабушка Настя пришла в сознание и узнала о смерти снохи и внука. «Бедная старушка», – думали окружающие, не догадываясь, что это седая женщина далеко ещё не стара. Понимали, какое горе и боль у той на душе, ведь у всех тогда была одна беда, только с разным множителем. Всего-то два года назад, эта «старушка» слыла красавицей с чёрными выющимися волосами. А теперь в пятьдесят она выглядела, как древняя старуха.

Первая похоронка пришла в конце сорок первого на мужа Анастасии Егоровны – дедушку, которого Галина и не помнила вовсе, потому как работал много, и ушёл на фронт 22 июня 1941 года.

Потом в сорок втором году, друг за другом, сначала на сына, потом на зятя получила бабушка Настя похоронки. И уже сюда, в Берёзовку, пришло четвёртое казённое письмо в дом приютившей их Евдокии.

Опоздавшее письмо, и зачем оно только пришло? Уже объявили Победу, уже все ждали возвращения домой мужей, сыновей, и... вдруг это страшное, казённое письмо в конце мая.

Первоклассница Галина, так старавшаяся учиться только на пятёрки, вдруг поняла, что мама не приедет и не похвалит её за них. Получив из рук учительницы свой первый табель с оценками, она со слезами смотрела на него, понимая, что некому показывать. Нет у неё ни мамы, ни папы. А бабушка... так она и так знает, как училась, как старалась маленькая Галочка. Как ждала маму. Утерев слёзы, порвала тогда девочка небольшой листок с пятёрками, крича и вырываясь из ласковых рук учительницы. Маленькое сердечко, бившееся в истерике, навсегда решило, что только оно само будет всегда выбирать, что делать и как поступать, но, оказалось, что выбирать ему, так и не пришлось. Так и продолжали все вокруг делать за Галину выбор. Все и всегда.

Как мечтала она вернуться в свой родной город, что видела лишь на картинке и знала по редким рассказам бабушки Насти, так и не оправившейся от травм, полученных при бомбёжке. Анастасия Егоровна не очень-то хотела вспоминать о нём, о том городе, что унёс жизнь её снохи и внука, о том городе, где не было уже у них дома. Все погибли, они остались лишь вдвоём. Не понимала тогда маленькая Галя, что не выдержит уже дороги израненное тело бабушки, и злилась на неё за то, что не хотела возвращаться в Ленинград. А когда в сорок восьмом бабушка умерла, то десятилетняя Галина осталось полной сиротой. И родной город, такой желанный Ленинград, стал лишь несбыточной мечтой.

Евдокия решила оставить у себя девочку. Женщина, приютившая их тогда в сорок третьем, уже считала и Галину, и Анастасию Егоровну своей семьёй. Общее горе, одна беда сроднила их. Так и не вернулись с фронта ни муж Евдокии, ни три её сына. И Галина стала её приёмной дочерью. Хотя и любила женщина девочку и ни разу не обидела сироту, но всё же она была не той, кто дала жизнь Галине, не той, кто так и не вернулась с фронта, не настоящей мамой.

А в 1955 году Евдокия умерла. Крепкая, здоровая женщина, наверно, никогда и не болевшая, да вот решила сама поправить крышу и неудачно упала. Три дня пролежала она без сознания и, так и не придя в себя – умерла. И вновь осиротела Галина. Как раз на восемнадцатый день рождения девушки похоронили Евдокию. Никто в деревне и не вспомнил о том, что Галина стала совершеннолетней, или просто посчитали недопустимым в такой день поздравлять её. Так и не услышала она слов: «С днём рождения девочка, с совершеннолетием тебя!» Только от Павла получила она накануне письмо, с засохшим жёлтеньким цветочком. Единственный подарок на день рождения.

Вытерев намокшие глаза Галина, тяжело вздохнула. Всю жизнь все и всё за неё решают, даже в тот день.

Нет уж, за дочь она сама решит.

Она встала и тихо вышла во двор, взглянув на заколоченный соседский дом, по правую сторону от своего.

Сашка – и он тоже не спросил её. Решил всё сам. Хотя именно она должна была выбирать...

Слёзы уже ручьём текли из глаз. Слёзы обиды на свою жизнь – не за ту, какая она есть, а за ту, какой могла бы быть...

Галина выбежала из дома. Слёзы застилали глаза. Она бежала к реке. Туда, куда приходила в дни горя и в дни счастья, в дни ожидания и в дни потерь. Туда, где земля обрывалась и крутым откосом падала к воде. Она бежала к своему месту – к яркулю*.

Стоя на краю обрыва, женщина глядела вниз, на воду. Заметив одиноко плывущее бревно, долго провожала его взглядом. Всегда хотелось вот также плыть и не задавать себе вопросы, правильно ли она поступает? Ветер, обдувая лицо, высушил слёзы. Она оторвала взгляд от воды и посмотрела на проплывающие ночные облака. Замысловатые фигуры на чернеющем небосводе постепенно унесли с собой последние двадцать лет, вернув Галину в юность...

Август 1953 год:

– Галка, Галчёно-о-ок!

Девушка обернулась. К ней приближались два её друга – Сашка Еремеев и Пашка Морозов. С виду такие разные и в тоже с время так похожие. Высокие, почти одного роста. Сашка чернявый с карими глазами, Пашка русый и синеокий.

Помахав им косынкой, которой только что провожала улетающих в тёплые края птиц, Галина побежала навстречу парням.

Первым подхватил её на руки Пашка и, покружив, поставил на землю.

– Ой! – вскрикнула Галина, зажмурившись и прижав к глазам ладошку.

– Чё, голова закружиласи? – подхватил её Сашка и, покружившись, поставил качающуюся девушку. Парни громко смеялись и Галка тоже хотя и земля уходила из-под ног, и чувство лёгкого опьянения от головокружения не сразу дало возможность открыть глаза и посмотреть на ребят. Немного придя в себя, она толкнула в грудь по очереди Сашку, а потом Пашку, и обиженно сказала:

– Ну чего вы меня постоянно крутите? Знаете же, что у меня голова после бомбёжки...

– Голова? Опеть? – засмеялся Пашка, прижав к себе девушку. – Надо тренироваться.

Ешшо хочешь?

– Да ну тебя, – оттолкнула юношу Галка.

– Во, смотри! – Сашка достал из нагрудного кармана рубашки сложенный пополам небольшой листок.

– Повестка?! Уже? – обрадовавшись и тут же расстроившись, произнесла Галина.

– Да. Мы сами съездили, – ответил Пашка, вынимая из своего кармана такую же бумажку.

– Дайте, – девушка взяла повестки и, развернув, стала читать.

– Через неделю, – наклонившись к её правому уху, тихо сказал Пашка.

– Теперя тебе придётси выбирать, – прижавшись к левому уху Галки, произнёс Сашка.

– Да ну вас, – она оттолкнула парней и побежала к обрыву. Те, смеясь, бросились за ней.

Сев почти на самый край, Галка ещё раз перечитала повестки.

– Ну почему вместе-то? – чуть не плача произнесла она.

– Так вместе уйдём, вместе придём, – ответил Сашка.

– А ты ждать нас будешь. Только теперя ужо давай выбирай...

– Ничего я выбирать не буду, – надув губы, ответила девушка и стукнула Сашку в грудь кулачком, с зажатými в нём повестками. Тот, перехватив маленькую ручку, забрал небольшие листки бумаги и, наклонившись, заглянул Галке в глаза:

– Ужо все в деревне смеются. Цельный год выбрать не можешь.

– И не собираюсь! Вот придёте из армии, тогда и скажу.

– Тогда поцелуй нас, – выставив вперёд губы, сказал Сашка,

– Ещё чего, – сжавшись в комок, захихикала девушка. Парни, не дожидаясь, сами чмокнули её в щёчки, каждый со своей стороны.

– Ну, хоть намекни, – жалобно попросил Пашка.

– Сказала же, как с армии придёте, так и скажу.

– Эх, – вздохнул Сашка.

– Ох, – добавил Пашка. – Аж три года ждать.

– Как три года?! – всполошилась девушка.

– Дык так, – пожал плечами Пашка. – Нас на флот отправляют.

– Как на флот? – Галка стала отбирать у них повестки.

– Читать надоть было лучше, – смеясь, Пашка высоко поднял руку с заветными бумажками.

– Ничёго, как раз подрастёшь, – Сашка обнял девушку и попытался дотянуться до её губ, но Пашка стал помогать Галке, отбиваться.

– Эй, не наглей. Я тоже хочу, пусть сама решает, – отталкивая друга, закричал он.

Пока парни расталкивали друг друга, Галка, выскользнув из их объятий, вскочила и побежала вдоль обрыва, подпрыгивая. Она оборачивалась, крича им, пока они не скрылись из виду:

– Не скажу, не скажу...

Парни улыбающимися взглядами проводили её.

– Ты не смей первый, – сказал Пашка, убирая свою повестку в карман. – Вернёмся, сама выберешь.

– Да я ж шуткую, – ответил Сашка и лёг на пожелтевшую местами траву, обмахиваясь своей повесткой. – А шибко хочется.

Пашка лёг рядом и, уставившись на облака, сказал:

– А мне мож ешшо шибче, терплю же. Только уговор. Тот, кого не выберешь, без претензий.

– Знамо дело.

– Договорились? Точно?

– Ага, – подал Сашка руку. Пашка пожал её, и парни, молча, стали наблюдать за проплывающими над ними облаками, мечтая о будущем.

Галка бежала домой. Целый год ей уже завидовали все девчонки. Сашка с Пашкой – это не Мишка-одноклассник, который с третьего класса за ней бегал. Они уже взрослые, в армию уходят.

Когда год назад семнадцатилетние выпускники, самые красивые парни в деревне, высокие, статные, подошли и позвали в клуб на новый фильм, то покраснев, Галина опустила глаза и тихо ответила: «Хорошо, я пойду. А с кем?» «С нами», – улыбаясь, ответили парни.

Эта девчонка давно привлекала их внимание, но всё никак не подрастала. Парни часто наблюдали за ней. Но Галка даже не замечала этого. А тут вдруг после выпускного юноши, впервые выпив шампанского, привезённого кем-то из города, да потом, уже за пределами школы, для храбрости добавив местного самогона, осмелились подойти к кучке девчонок, со стороны наблюдающих, как прощаются со школой выпускники. Галка даже не думала, что они идут именно к ней.

А на следующий вечер, она, уже держа парней под руки, шла к клубу, на зависть всем подружкам.

Так и гуляли они втроём. Галка и не задумывалась, нравятся они ей или нет. Просто то, что два парня, по которым сохли почти все девушки в деревне, обратили на неё внимание, для пятнадцатилетней девчонки, самой маленькой по росту в классе, казалось такой гордостью. Ведь почти взрослые, уже окончили школу, а, не скрывая своих чувств, ходят за ней хвостом. Целый год гуляли они вечерами втроём по деревне. Ходили в клуб на танцы или на очередной фильм. И ни Сашка, ни Пашка не наглели, как другие пацаны из класса. Это те всё норовили, будто невзначай, прикоснуться к различным привлекательным частям фигур всё более взрослых девушек. Сашка и Пашка отличались от всех. Они считались самыми лучшими на деревни, но вот только выбрать Галка не могла. Ей очень хотелось целоваться, все девчонки уже хвастались и донимали её расспросами: «Расскажи, да расскажи, кто лучше целуется?» А она всё отнекивалась. Как могла она это знать, если парни даже не пытались. Только так, в шутку, как сейчас на берегу. Меж ними существовал уговор – сами первые не начнут, пусть девушка выберет, кто станет женихом, а второй без обид, останется другом. Да и встречались они с Галкой всегда вместе, не давая, друг другу возможности занять место единственного ухажёра.

И вот теперь расстаться придётся на целых три года.

Сашка и Пашка – мальчишки, родившиеся почти одновременно. В один год, в один месяц, почти в один день, с разницей лишь в несколько часов. Семьи и до их рождения дружили, а уж после... две молодые матери, живущие по соседству, стали, словно сёстры. То в одном доме, то в другом оставляли ребят и бежали на колхозное поле или ферму. И отцы всегда

в друзьях ходили, да ещё и первые трактористы на деревне. И не только потому, что повезло им получить первые машины, пришедшие в колхоз, но и потому, что лучше их не найти было работников. Так и жили они, радуясь счастливой жизни, что устраивалась в стране, пока в сорок первом не пришла беда. Ушли отцы добровольцами, оставив молодых жён с шестилетками-сыновьями.

Отец Сашки погиб под Берлином, перед самой победой, пройдя всю войну, не получив и царапины, а тут – пуля снайпера настигла его.

Пашкин отец вернулся в конце сорок четвёртого без левой руки, и с осколком под сердцем. Хоть и покалеченный, но живой. И почему-то потом, всю жизнь считал виноватым себя в том, что остался жив, а друг погиб.

И после войны семьи остались дружны. Как мог, помогал отец Павла жене друга, овдовевшей всего в двадцать семь лет. Мало вернулось с войны мужиков в деревню, а парней и того меньше. Не смогла больше Сашкина мать найти мужа. Так и осталось вдовой на всю свою не слишком долгую жизнь.

В сорок шестом родилась у Пашки сестра – Маринка. Как раз в нынешнюю осень, как настало время идти друзьям в армию, и станет Маринка первоклассницей.

– Нормально, – говорил Пашка, лёжа недалеко от края обрыва, – вернёмся, ей девятнадцать будет, само то.

– Много ты понимаешь в самом том, – рассмеялся Сашка.

– Столь же, сколь и ты.

– Признайся, а ты представлял, как с ней?..

– Перестань, она ешшо маленькая, – сердито сказал Пашка другу.

– Ну, когда-нибудь это произойдёт, – приподнявшись на локтях, Сашка заглянул ему в глаза. – Я представлял и даже во сне видел.

– И я видел, – тихо ответил Пашка.

– И как?

– Мокро.

Парни рассмеялись.

– А может, попробуем? – прищурившись, предложил Сашка.

– Ты чё?! Даже не смей! – подскочил Пашка, схватив друга за ворот рубашки. – Не смей её трогать! Вернемси, выбрать. Тогда и...

– Да ты чёго?! – оттолкнув друга, сказал Сашка. – Я же не о ней. Она неприкасаема, но, сам понимаешь, мы же ни разу, а в армии уж точно не получится. Давай сходим? Я знаю, кто нам даст, – заговорщицки произнёс Сашка, переходя на шёпот. – Надо же научиться. А то потом, как?

– Не, я не хочу.

– Да ну? Все хотят, а он не хочет.

– Я потерплю, – твёрдо ответил Пашка.

– Ну и терпи, а она меня выберет, – засмеялся Сашка, упав обратно на землю, и широко раскинул руки. – А я седня ночью пойду. Обязательно.

– Ну и иди.

Сентябрь 1956 года:

Галка стояла на своём любимом месте – на краю обрыва. Три года прошло, сколько раз она приходила сюда одна, вспоминала ребят, перечитывая их письма. Скоро и сами они вернутся из армии. Сашка и Пашка. Она ждала их верно. Ни с кем даже ни разу под ручку не прошла. Танцы и кино не в счёт, а вот сердце так и осталось свободным. Придут, и опять скажут: «Выбирай». А как выбрать? Как? Если они для неё одно целое.

Она писала им всё время, и парни не отставали, но затем от Сашки стало всё меньше приходиться писем. А за последние месяцы и вовсе ни одного не пришло.

Ребята надеялись попасть на один корабль, но их разлучили. И каждый получил с первым письмом от Галки и её фото, сделанное специально для них. А потом выслали они ей и свои снимки, в красивой форме и с гордыми лицами. Так и переписывались – каждый из парней считал её своей невестой, а она... она так и не знала, кем их считать.

Перечитывая последнее письмо от Пашки, где он указал, что скоро будет дома, Галка услышала со двора крик соседского мальчишки:

– Сашка приехал! Галя-я-я!.. Беги, смотри! Сашка приехал!

Девушка выскочила из дома и побежала по улице, а навстречу ей шёл высокий парень в морской форме, с чемоданом в руках. А следом семенила...

Сердце остановилось.

– Галка! Привет! – крикнул парень и, поставив чемодан на землю, бросился к ней. Подхватил на руки, покружил, но она будто не видела и не чувствовала его. Она смотрела на девушку, скромно стоявшую в сторонке, и неловко сложившую руки на огромном животе.

– Привет, подружка моя милая! – Сашка чмокнул Галку в щёчку. – А Пашка ещё не вернулся?

Не отвечая, она взглянула ему в глаза. Слёзы лезли наружу. Сердце так больно сжалось. Галина оттолкнула от себя бывшего ухажёра и бросилась бежать.

Стоя на краю обрыва, девушка выла в голос. Боль, душившая её, никак не уходила. Даже сама понять не могла Галка, что с ней происходит? Никогда не представляла она себя женой Сашки, впрочем, как и Пашки. Но они принадлежали ей и только ей, и не смели, ни на кого больше смотреть. Это она должна сделать выбор, а не он. Как он посмел?! Как мог променять её на эту... клушу. Вот почему не было писем. Вот почему он молчал.

– Ненавижу, ненавижу-у-у!.. – кричала Галка облакам. Она не заметила, как начался дождь, и не чувствовала, что стоит вся промокшая. Злость заползала в сердце. Злость и месть. Она придумает, обязательно придумает, как отомстить Сашке. Как сделать больно этой клуше с животом.

– Ненавижу-у-у!.. – кричала Галка, заглушая раскаты грома. – Чтоб ты сдохла, а-а-а... – она упала на землю и, обнимая её, словно ища защиты, скребла ногтями, собирая грязь...

Через неделю вернулся Пашка.

Галка каждый день приходила к обрыву. Тут, по крайней мере, можно не бояться косых взглядов и усмехающихся вопросов: «А Пашка тоже с женой вернётся?»

– Галка, Галчë-о-о-оно-о-ок! – девушка обернулась. К ней бежал Павел, ставший ещё выше, шире в плечах, возмужавший, красивый, в парадной форме... У Сашки не было столько аксельбантов и значков. У Паши больше, и сам он лучше и никакой беременной соперницы рядом. Галка понеслась, как ураган и, попав в объятия уже не юноши, а почти мужчины, даже не отвернулась, а позволила поцеловать. Ведь не зря она три года никому не разрешала прикасаться к себе, и теперь впервые в девятнадцать лет узнала, как это, когда тебя целует парень.

Они кружились, обнимались. Поцелуям не было конца. Юноша крепко прижимал к себе своё сокровище. Выбор оказался сделанным задолго до этой минуты, но Пашка чувствовал именно себя победителем. Ведь его и только его дождалась Галка.

Потом они долго, обнявшись, сидели на краю обрыва. Пашка рассказывал и рассказывал, всё, о чём и так писал, и Галка знала, но улыбаясь, слушала, а потом вдруг спросила:

– А ты знал?

– Что?

– Ну... про Сашку?

– Да.

– А почему не написал?

– Не знаю. А ты сильно расстроилась, что он?..

– Нет, – ответила девушка и прижалась к груди парня. Теперь никто не сможет косо посмотреть на неё, никто не отпустит вслед злую шуточку. Она ждала именно Пашку, всем это станет ясно, а Сашка... Да кто такой Сашка? Он даже ростом ниже и в плечах уже, и значков у него меньше, да и жена у него... конопатая!

Свадьбу сыграли быстро, как раз в тот день, когда у Сашки родился сын, названный Виктором, в честь погибшего на фронте отца, так и не ставшего дедом. А через месяц Галка, улыбаясь, шепнула мужу на ушко: «Кажется, я...» – дальше не потребовалось, Пашка и так понял, что скоро, как и друг станет отцом.

Всё вроде встало на свои места, но боль никак не хотела покидать сердце Галки. Каждый день, видя соперницу через забор, она сжимала кулаки и, прищурившись, шептала: «Чтоб ты сдохла!»

Паша даже не догадывался, что творится в сердце его жены. Они выросли с Сашкой, всегда были – не разлей вода. В детстве, вообще, считали себя братьями, и сейчас не видели друга, что между их домами не просто старая ограда, а целая пропасть. И месть уже готовилась. Галка испытывала очень сильное чувство к соседу. Ни любовь, ни ревность, а самое страшное, что может поселиться в душе человека – чувство ненависти. Он лишил её права выбора. Он обманул её и обязательно за это ответит. Но прежде ответит она, эта рыжая, конопатая разлучница. Тошная, словно килька. И как только Сашка мог в такую влюбиться?

Галка ещё не придумала, что сделать, чтобы отомстить Тамаре (так звали жену Сашки), как та уже и сама попалась.

«Видимо, справедливость существует», – думала Галка, глядя, как Тамара, развешивая пелёнки, всё больше корчится. Как, садясь на приступок у дома, сжимает кулачки и подтягивает ноги. Сашка пропадал целыми днями на работе и не замечал мучений жены, а возвращаясь поздно домой, ел и, падая в кровать, засыпал. Молодой семье нужно много денег, и палочки за трудодни накапливались с геометрической прогрессией. И только когда Тамара, подавая ужин, упала у печки и потеряла сознание, Сашка понял – с женой что-то не так.

Умерла Тамара под Новый год, оставив трёхмесячного сына сиротой. Молодая женщина, оторванная от родных и привезённая за сотни километров в чужую деревню, встречала вокруг лишь осуждающие взгляды. Стеснялась поделиться со свекровью, что мучили её сильные боли. Что шов от «кесарева» сначала покраснел, а вскоре разбух, превратившись в огромное багровое пятно, пульсирующее болью изнутри. А затем через образовавшиеся трещинки по шву стал выделять гной. Тамара пыталась сама бороться с бедой. Не говорила никому. Боялась показаться плаксою. Ведь и так не умела она ни корову подоить, ни печь растопить. Свекровь учила её, покачивая головой и вздыхая, что позарился сынок на такую неумеху...

И только после смерти в адрес Тамары слышались хорошие слова. Но это уже не мешало Галке. Её месть сама собой начала осуществляться. Соперница умерла, теперь пусть Сашка с сыном помучается, а потом она придумает, как ещё больше насолить этому предателю.

Дни шли своим чередом. Весна 1957 года принесла ещё одно радостное известие для Галины. Сын Сашки, как выяснилось, оказался глухонемым. Тётя Оля, мать предателя, лишь вздыхала, что неумелая сноха и родить-то смогла только неполноценного внука. А Сашка всё больше стал пить. Всё, о чём он мечтал, рушилось. Ведь думал, вернётся из армии и именно его Галка выберет, ведь такие письма писала, а тут Тамарка со своей беременностью не вовремя влезла. Не захотела аборт делать, да ещё отец её (старший мичман на корабле, где служил Сашка) пригрозил. Пришлось расписаться, да «в нагрузку» с собой взять. А какие глаза тогда у Галки были? Сашка точно знал, что и за Пашку она вышла от безысходности. Но жена друга – табу. Надо забыть и жить дальше. И он жил. Работал. Не обращал внимания на жену. Старался приходиться лишь ночевать домой и просмотрел... хоть и не любил Тамару, да не желал ей смерти, не хотел, чтобы сын рос без матери. А теперь ещё и это – глухонемой.

Первое время не обращали внимания, что мальчик не поворачивает голову на голос, да и погремушку ему надо было увидеть, а то никак не реагировал, а уж как мать Сашкина повезла его в районную больницу на осмотр к специалистам, стало ясно – мальчик глухонемой. Хотя доктор и сказала: «Быть уверенными на сто процентов нельзя, что он не сможет говорить, возможно, только глухим будет». Но и это не радовало молодого отца, вспоминавшего, что в увольнении обязательно принимал на грудь, а потом уж в койку с теми, кто оказывался рядом в тот момент. Поэтому и винил себя в том, что Тамара умерла, и в том, что сын оказался больным.

А как залить горе? Только самогоном. Вот он исправно и внедрял свой план в жизнь, не обращая внимания на нравоучения друга, на уговоры матери. Иногда ловил на себе злой взгляд Галки, и от этого хотелось ещё больше выпить, чтобы уже не видеть и не слышать никого вокруг.

А сердце у Галки радовалось, уже две чёрных полосы протянулись по нему, но этого ей казалось недостаточно. Это ещё не всё. Сашка должен понять, что он сделал, на кого променял её. Он должен почувствовать, что она лучше, чем его конопатая Тамарка. И она могла бы родить ему здорового сына, но не родит, потому что он её предал, и получил за это только сына-инвалида.

Лето 1957 года:

Последний день мая принёс в дом Галины и Павла радость. У них родилась дочь. Назвать решили – Наташей.

Через неделю счастливый отец привёз молодую мать с новорождённой домой из районной больницы. Даже Сашка, на удивление трезвый, заглянул, чтобы поздравить молодых родителей. Галка смотрела так, что он готов был провалиться сквозь землю. Гордый взгляд женщины кричал: «Что тебе тут нужно?! Пошёл вон!»

Вернувшись к себе, Сашка не видел ни мать, ни родные стены. Перед глазами всё стояла фигура Галины с набухшими грудями, с округлившимися бёдрами. Страстное желание настолько будоражило кровь, что взыв, он упал на кровать и, рыча, стал грызть зубами подушку. Ведь столько мечтал о ней, и сам же всё испортил. После родов Галка стала ещё красивее, ещё женственнее, ещё желаннее. Плоть просто рвалась туда, к ней – такой сочной, мягкой, совсем непохожей на его костлявую Тамарку. Немного пропитавшийся молоком халат, облегающий стройную Галкину фигуру, так и стоял перед глазами. Набухшая грудь молодой матери не нуждалась в лифчике, она не висела, как Томкина, маленьким мешочками, а упиралась в халат, выделяясь сосками.

Сашка грыз подушку, не в силах сдержать мысли. Они уже рвали этот халат, сжимали груди, источающие молоко, слизывая его, Сашка продолжал ласкать женщину крепкими руками, спускаясь по мягкому животу, стягивая с неё трусики, дотрагиваясь до...

– Ы-ы-ы... – взвыл он от ощущения соития с любимой. Всё казалось таким реальным, время словно растворилось. Не было подушки, не было плоти, зажатой в руке. Только Галка. Она лежала рядом с ним, и именно она ласкала его...

Мать стояла за дверью, слушая крики сына. Она понимала, что с ним творится. Ведь тоже надеялась, что вырастет Галка и выберет именно её Сашку. А теперь, видя каждый день за забором чужую сноху, лишь вздыхала. Не ругала она сына, что не сдержал себя в армии, и за внука не ругала. Что сделано, то сделано. Но боль оттого, что сын сам испортил себе жизнь, мучила мать. И сейчас она, лишь тяжело вздыхая, стояла у двери.

Опустошённый и уставший, Сашка откинулся на спину. Он постоянно думал о Галке, но вот так, чтобы чувство реальности, словно она рядом, и всё произошедшее дальше... Такого никогда не случалось. И в эту минуту он понял, что Пашка ему уже не помеха. Он не сможет и дальше терпеть, видя, как Галка улыбается его другу, осознавая, что Павел, а не он, разделяет с любимой ложе. Нет, он переступит через дружбу. Он хочет жену друга, и он её получит.

А Галка, накормив и уложив дочь в старенькую колыбельку, в которой ещё и самого Пашку качали, легла рядом с мужем и, прижавшись к нему, тихо спросила:

– Ты меня любишь?

– Ты ешшо спрашиваш? – шепнул он на ушко любимой и нежно провёл рукой по груди, опустившись к животу.

– Нет, – остановила его Галка, – ещё рано. Надо немного подождать.

– Сколько?

– Не знаю, наверно с неделю.

– Хорошо. Я терпеливый. Ты же знаешь.

– Знаю, – ответила Галка, вспомнив Сашку и его жену. – Поэтому я и вышла за тебя замуж, – она повернулась спиной к Павлу, и он крепко прижал её к себе. – Эй, эй, – провела рукой между собой и вспыхнувшим, как огонь мужем. – Ты чего?

– Да не бойси, я потерплю, – поцеловав в ушко, прошептал он. – Так только прижмуси к тебе, и всё.

– Смотри у меня, – шутливо сказала Галка. Павел ещё крепче обнял её. И тут странное чувство появилось у женщины. Ей показалось, что рядом не муж, не его руки, не его тело, даже не его запах. Она резко обернулась и увидела лицо Сашки. Испуг заставил вскрикнуть и оттолкнуть от себя мужчину.

– Ты чёго? – спросил Павел.

– Ничего, – наваждение исчезло. – Иди лучше сегодня спать в горницу.

– Трусишка, ты моя, – нежно поцеловав жену, Павел, взял подушку и вышел из спальни.

Немного посидев на кровати, вспоминая видение, Галина медленно легла. Обняв подушку, прикрыла глаза, но чувство присутствия мужчины не ушло. Он находился рядом. Ласкал грудь, сжимая, чуть причиняя боль. Потом чувство прикосновения языком к соску заставило её тихо застонать. Она не хотела открывать глаза, не хотела, чтобы видение исчезло и, откинувшись на спину, отдала своё тело ему – тому, кто лежал на своей кровати в другом доме. Но он находился и тут. Он слизывал выступившее молоко, нежно сжимая грудь одной рукой, а другой плавно провёл по телу, заставив женщину чуть приподняться, изогнувшись и сжав плотно губы, чтобы ни услышал муж, застонать. Рука нежно ласкала живот, опускаясь всё ниже, дотрагиваясь до...

– Нет! – Галина резко села. – Это невозможно, – прошептала она, надеясь, что Павел не услышит. – Так не бывает.

Кто-то погладил её по спине. Обернувшись, увидела лишь пустую простыню, но запах чужого мужчины витал в воздухе. Она упала на подушку и, прикрыв глаза, вновь ощутила его присутствие. Больше не отказываясь, расслабила тело, и отдалась страсти с невидимым любовником.

Утром Галка вышла во двор и, встретившись взглядом с Сашкой, курившим на крыльце своего дома, покраснела, вспомнив о ночном приключении. Опустив глаза, быстро пробежала в баню.

Желание немедленно броситься за ней сменилось в Сашкином сердце щемящей болью – ведь ночью ему только казалось, что они были вместе. Ещё рано. Надо подождать. Всё равно Галка станет его. Теперь уж он точно это знал.

Следующая ночь, как и ещё несколько после, вновь объединила двоих, находящихся в соседних домах. Галка не понимала – ведь так не бывает – но это происходило. Страстное желание одного и ненависть другой соединило их. Молодая женщина, не знавшая никого кроме мужа, хотела этого. Не потому, что сердце тянуло её к Сашке. Не любило оно, не ныло по соседу. Галина желала только понять – кто из них лучше. Ведь она должна была выбрать, а её этого права лишили, так хотя бы сейчас понять – Сашка или Пашка. До этого выигрывал Павел: преданный, ласковый, непьющий. Одного она только не знала, но и сейчас... просыпаясь по утрам, понимала, что это лишь сон, мечта. А как оно на самом деле? Это желание узнать, действительно ли её Паша лучше Сашки и как любовник, заставляло молодую женщину каждую ночь принимать невидимого у себя в постели, хотя и нужно ей было совсем иное. Как осуществить свой план – Галка ещё не знала, но она обязательно выполнит задуманное.

Через неделю, приняв окончательное решение, она поняла – больше в её постели нет места для иллюзий.

Паша и не догадывался, что происходило в те дни, пока он спал в горнице. Снова его Галка рядом, и он любит её. После родов жена словно повзрослела, что не могло не радовать молодого мужа. Она стала более расслабленной, более горячей, более свободной. Все её движения изменились. Появились новые нотки в стонущем от удовольствия голосе. И её нежные руки стали ласкать по-иному. Повел, даже не мог предположить, что все эти изменения возникли оттого, что на время в их отношении вторгся третий, невидимый, но осязаемый, бывший лишь фантазией, заставившей Галину по-новому взглянуть на интимную жизнь.

Заботы о малышке, домашние дела на время отстранили мысли Галины о мести. Но она не забыла. Она лишь ждала подходящего момента.

За соседним забором тоже текла своя жизнь. Наступил жаркий июль и в гости приехали родители Тамары. Хотя говорить «в гости» – неправильно. Они приехали посетить могилу дочери, да уговорить Сашку отдать им мальчика.

Галина развешивала бельё, когда соседи с приехавшими родственниками прошли мимо. Отец Тамары, неся на руках внука, крепко прижимал к себе мальчика, словно боясь и его потерять. Сашка взглянул на Галку. Та, усмехнувшись, отвернулась и медленно, плавно покачивая бедрами, пошла в дом. Хоть и ростиком невысокая, да и совсем неполная, но фигуркой Бог не обидел Галину и в нужных местах наделил пышностью.

Сашка сглотнул слюну, провожая взглядам округлившиеся после родов формы такой желанной женщины.

Галка чувствовала на себе его голодный взгляд и не спешила уйти в дом, стараясь по сильнее причинить боль. Мать Сашки, заметив, толкнула сына в бок. Тот, словно очнувшись ото сна, уставился в землю и быстро зашагал в сторону кладбища.

Несколько дней гости уговаривали отдать им маленького Витю.

«Ты ещё молодой и найдёшь себе жену, – плача говорила Тамарина мать, – и будут у тебя ещё дети. А у нас больше никого нет». И Сашка сдался, поверив, что мальчику действительно будет лучше в большом городе, где есть хорошие врачи. Умом соглашалась с этим и Ольга. Понимала, что у сватов больше возможностей, и действительно мальчишке могут и слух поправить, да и тяжело ей одной справляться и с внуком, и с сыном, всё больше спивающимся, но сердце обливалось кровью. Не хотела Ольга отдавать внука, но пришлось смириться и дать согласие.

Проводив гостей, забравших с собой Виктора, Сашка напился и, поругавшись с матерью, полез на сеновал. Ольга ещё постояла немного, надеясь, что тот спустится, но, услышав храп, разнёсшийся на весь двор, ушла в дом.

Галка, снимая пеленки, видела, как Сашка забрался на сеновал, и решила, что сегодня всё очень удачно сложилось – теперь она и осуществит свою месть. Или хотя бы начнёт её выполнять.

Дождавшись, когда Павел уснёт, Галина тихо вышла из дома и через огород перебралась на соседский двор. Постояла немного у сеновала, прислушиваясь, а потом осторожно поставила ногу на лестницу и, оглянувшись ещё раз, медленно поднялась наверх. Сашка спал на спине, громко храпя, раскинув руки и ноги. Галина присела рядом. Резкие запахи перегара и табака заставили отвернуться, но, переведя дыхание, она вернулась к задуманному. Конечно, эти запахи не были ей чужды, но муж не пил практически совсем – лишь в праздники, и то, не больше рюмки. Да и курил нечасто, и всегда выходил во двор. Только сейчас Галина поняла, что такой набор ароматов и в таком количестве ей непросто неприятен, а вызывает сильное чувство отвращения, и сразу на Пашкиных весах появился ещё один плюс. Но придя сюда, она уже не намеревалась отступить. Месть затмила чувство стеснения и, не раздумывая, Галина сняла с себя сорочку, оставшись абсолютно голой.

Провела рукой по небритому лицу спящего Сашки, затем расстегнула на нём рубашку и брюки. Тот только перевернулся на бок, не поняв, что руки, касающиеся его, не кажутся ему. Но Галина не собиралась отказываться от своего плана. Она продолжала раздевать Сашку. В какой-то момент он проснулся, повернулся и посмотрел ей в лицо. Потом встряхнул головой и вновь захрапел, но осознав, что это не сон, резко подскочил, широко распахнув глаза. Перед ним на коленях сидела нагая Галина. От неожиданности он открыл рот, не зная, что и сказать и часто задышал, напоминая загнанную собаку. От выпитого самогона в мозгу почти ничего не осталось. Он смотрел на женщину, не в силах понять, видение перед ним или сама Галина заглянула в гости.

А она, улыбаясь, встала на ноги и, поправив волосы рукой, встряхнула головой.

Сашка, задыхаясь, с трудом сглотнул образовавшийся в горле комок. Галина действительно находилась рядом.

– Ну как? Хороша я?

– Хороша, – одними губами произнёс Сашка.

– Лучше твоей Тамарки? – желчно спросила она.

Вновь проглотив очередной подступивший комок, Сашка тихо спросил, боясь спугнуть видение:

– Ты тут?

– Тут. А что, не видишь?

– Вижу.

Галина отступила на шаг, потом ещё.

– Жалеешь, что променял меня на свою уродку?

Сашка, встав на колени, пополз к ней. Галина продолжала отступать.

– Хочешь меня? – прошептала чуть наклонившись.

Сашка поймал её руками, и отвечать не пришлось. Он прижался губами к её животу и стал с жадностью целовать. Галка тихо засмеялась:

– Щекотно, небритый.

Он резко повалил её на спину.

– Колочье, – прошептала Галка, выгибая спину. Сашка дотянулся до своей рубашки и неуклюже стал подсовывать её под Галину. Сил терпеть уже не осталось, и он грубо и жёстко приступил к тому, о чём мечтал несколько последних лет. Видимо, боясь, что это только видение и Галка может исчезнуть в любой момент, он забыл о том, что надо быть нежным, что это не портовая шлюха и не надеющаяся на замужество какая-нибудь дурнушка. Сашка грубо насиловал её.

Не было тех ощущений, что возникли там, в спальне, когда Галке чудилось, что он рядом. Не чувствовала она ничего волшебного в этих жёстких движениях бывшего ухажёра, когда-то казавшегося таким нежным. Но Галка терпела молча. Она хотела понять, как это – быть с другим мужчиной, осознавая уже, что этому мужлану далеко до её Паши.

Сделав своё дело, Сашка вдруг словно проснулся.

– Ты тут?! Ты действительно тут?!

Галка, молча, смотрела на него. Ни укора, ни обиды, лишь интерес.

– Прости, прости, – стал часто целовать её Сашка, – прости, я думал... Тебе больно?

Но Галка молчала.

Протрезвев окончательно, Сашка вновь попытался уже без грубости, без заламывания рук, без сильных сжиманий нежных грудей, без боязни, что она исчезнет, совершить с ней акт любви, но Галка, сказав: «Отстань», оттолкнула его. Встав, быстро надела сорочку и ушла. Сашка, зажав голову руками, взвыл, как раненная собака:

– Она сама пришла, сама... а я... дурак... всё испортил...

Только сейчас понял, что по иному-то любить и не умеет. Ведь все, с кем спал до неё, принимали его таким – пьяным и грубым. Даже тогда, в первый раз, когда напился перед армией и пошёл к той, что не откажет, даже тогда, боясь прослыть неумехой, боясь, что ничего не получится, он был жёстким, злым, грубым. Так и не научился он быть ласковым.

Галка зашла в баню. Смыв с себя чужой запах, вернулась к мужу.

А утром обнаружила на своём теле несколько синяков. Хорошо, что Паша ещё засветло уехал на дальние луга. Двухнедельный сенокос заставил оставить молодую жену с новорожденной дочкой. Не думал Павел, выходя из дома на рассвете, что сегодняшняя ночь изменила всю их дальнейшую жизнь.

Теперь Галка знала, что лучше Паши нет никого, но почему-то воспоминания о приключении на сеновале никак не желали покидать её. Вновь хотелось ощутить ту боль, что доставлял ей Сашка. Она и сама не могла понять почему, но и на следующую ночь пошла к нему.

Сашка опять ушёл ночевать на сеновал, сказав матери, что в доме сильно душно. Он не надеялся, что Галка придёт, но хотелось вновь оказаться там, где всё ещё сохранялся её запах.

Находящиеся в доме свёкры и сестра Паши не могли видеть, куда ходит Галка по ночам. Пока сын служил в армии, отец – Иван Савельевич – сделал пристройку к дому с отдельным входом. Конечно, не без помощи односельчан. Фронтовика с одной рукой, не могли оставить в колхозе без поддержки.

После свадьбы Галка предлагала Павлу перебраться в дом Евдокии, воспитавшей её, но он настоял, что жена переходит жить к мужу. Об этом и думал отец, когда затеял такое расширение дома. Вот и жили они в этой небольшой пристройке: маленькая кухонька, и комната, поделённая на две части: горницу и спальню. Окна пристройки как раз смотрели на Сашкин дом. А из самого дома окна выходили на три других стороны.

Неделю длилось это безумие. Как ни пытался Сашка, а всё же выходило у него грубо, но уже без синяков. Увидев, что сделал он Галке в первую ночь, долго извинялся, и потом уж старался сдерживаться, но всё-таки это происходило не так, как бы и сам хотел. Видел, как морщится Галка, как вскрикивает, как отворачивается, когда он хочет поцеловать её. Губы Галка берегла и не пускала к ним Сашку. И тот не мог понять, почему она приходит, если явно видно, что не нравится он ей?

Но она приходила каждую ночь, словно заставляя себя понять, увериться в том, что это именно сейчас она делает выбор – Паша должен стать её мужем, а не этот... грубый, неотесанный деревенщина.

Неделя прошла, и Галина сказала себе: «Всё, хватит. Остальное потом».

Она продолжала ждать мужа, словно ничего и не произошло. А Сашка каждую ночь, сидя на сеновале, ждал и не понимал: почему она приходила и почему перестала?

За заботами о малышке время пролетело быстро. Галка с утра знала, что муж именно сегодня вернётся и, готовя вкусный обед, старалась, как никогда, чтобы порадовать Павла. Понимала, как соскучилась сама, а уж что говорить о нём. И она с трепетом ожидала его появления, даже не вспоминая о Сашке, будто ничего и не происходило.

Сильно загоревший и от этого выглядевший ещё мужественней, Павел не знал, кого первого обнимать. Галка, улыбнувшись, усадила его за стол и, приговаривая: «всё потом», убирая Пашины руки от себя, быстро накормила и поспешила в стайку к уже мычавшей от нетерпения корове.

Сашка не заметил, что друг уже дома и решил сам зайти и узнать, почему Галка не приходит. Хватит сидеть по ночам на сеновале, надо пойти в пристройку и поговорить. Но, выйдя на крыльцо, не спешил. Закурил, высматривая, не идёт ли кто по дороге мимо. Не хотелось, чтобы увидели, как он почти ночью заходит в дом к соседке. Постояв немного, всё же решил перенести разговор наутро, а пока – на сеновал. «Вдруг придёт?» Да замел, что Галка направилась доить корову и как вор, прокрался следом.

Галина, сидя на маленькой табуретке, ласково разговаривала с рогатой кормилицей. Сашка тихо встал рядом, стараясь не выдать себя. Он смотрел, как ловко Галина перебирает пальцами по толстым соскам вымени. Как струи молока со звоном ударяются о стенку ведра.

Женщина нежно и быстро забирала у уставшей за день коровы молоко. Её ловкие движения пальцев магически действовали на Сашку, вызывая в нём желание. Уже не в силах терпеть появившуюся ломящую боль внизу живота, Сашка шагнул к Галине и резко схватил за руку. Увидев соседа, Галина даже обрадовалась. Всё складывается как нельзя лучше. Она и не думала о такой удаче.

Продолжая доить корову, Галина теперь смотрела не на неё, а на Сашку, дразня томным взглядом. Зажав верхними зубами нижнюю пухлую губу, она стала тихо постанывать, слегка ерзая на табуретке. Потом чуть показав язык, медленно облизала губы.

Сашка в нетерпении потянул к себе и резко повалил Галину на кучу сена перед головой коровы. Быстро задрал подол юбки и, как обычно, грубо овладел ею. Падая, Галина зацепила ведро, и тёплое молоко растеклось под их ногами.

Сашка вновь, как в первую ночь, насильовал Галину. Изголодавшаяся плоть не давала мозгам думать. Мужчина не видел и не слышал ничего вокруг, лишь желанная женщина рядом – это всё, что ему сейчас было нужно, и в этот момент соображать он уже не мог. Всё окружающее их не имело значения: ни место, ни время, ни то, что в любую минуту их могли увидеть. Главное, что они вновь вместе.

Галина знала, что Павел обязательно придёт. Он всегда забирал ведро. А сегодня, соскучившийся муж уж точно раньше обычного зайдёт в стайку. Надо только дотянуть до его прихода. И, поглядывая в сторону чуть приоткрытой двери, шептала на ухо Сашке:

– Сильнее... сильнее... Хочу, чтобы мне было больно.

И он старался, с силой сжимал её груди, шлёпал по бёдрам, оттягивая больно кожу, и в самый удачный момент, целуя шею, прикусил не сдержавшись.

Заметив мужа, Галка закричала.

Словно лапа медведя схватила Сашку за шиворот, и кулак, пудовой гирей прилетев в глаз, отбросил в сторону. Через несколько секунд от красивого лица Сашки осталось лишь месиво. Нос, свёрнутый набок, пара зубов, вылетевших и навсегда погребённых в коровьей лепёшке. Если бы не прибежавший на крики свёкор, то пришлось бы хоронить Сашку, и надолго Галина осталась без мужа.

Она, вся в слезах, кутаясь в юбку, отползла немного в сторону и, всхлипывая, лежала, измазанная в навозе и молоке. Испуганно смотрела на домочадцев, сбегавшихся на её крики. Свекор, встав между сыном и Сашкой, всё же смог остановить Павла. Сын, тяжело дыша, обернулся, обвёл всех взглядом, полным ненависти и, подойдя к Галине, взял её на руки. Не оборачиваясь, Павел унёс жену в дом.

Больше у него не было друга.

Отомстив Сашке, Галина наказала и Павла, подумав: «Это тебе за то, что не сообщил мне тогда из армии о Сашкиной женитьбе».

И ещё пара чёрных полос легла на сердце молодой женщины, оставляя там всё меньше чистого места.

Сентябрь 1973 год:

Воспоминания с трудом покидали Галину.

Она сидела на мокрой земле – у своего ярукуля, не замечая ночного дождя. Память вернула лишь боль и обиду, но не раскаяние.

Сердце не хотело прощать. Оно, выжженное злобой, постепенно превращалось в кусок угля...

Павел медленно приоткрыл глаза, надеясь увидеть спящее лицо жены. Но кроме пустой подушки рядом никого не оказалось. Решив, что Галина ушла доить корову, перевернулся на другой бок в надежде ещё немного поспать. Протяжное многоголосое мычание идущего по дороге стада и следом долгий тягучий отзыв их коровы заставили Павла резко сесть в кровати.

«А чёго это Бурёнка мычить, как недоенная, ежели уже в стаде должна быть?» Он встал, заглянул к детям и, наспех одевшись, вышел во двор. Галины нигде не было.

Зато соседка, словно и не ложилась спать. Она как поставой стояла у забора, разделяющего их дворы.

– А чёго это ваша корова орёт? А Галька-то где? – крикнула Любка, стараясь как можно дальше заглянуть на двор Морозовых.

Павел лишь мельком взглянул в её сторону, но, не ответил. Он вышел со двора на дорогу и посмотрел сначала в одну сторону потом в другую. Хорошо зная свою жену, предположил что, поругавшись с соседкой, она могла пойти или к обрыву, или в дом Евдокии. Постоял ещё немного в раздумье и решил сбегать к реке.

– Понятно, – махнула рукой Любка и, развернувшись, пошла к своему дому. – Опеть на яркуль подалась. Вот психованная...

«Неужто всюю ночь там просидела?» – взволнованно думал Павел, видя уже Галину на краю обрыва.

Она вся вымокшая, дрожа и стуча зубами, сидела на сырой, после ночного ливня земле не в силах встать и расстаться с прошлым, так резко нахлынувшим на неё.

Подбежав, Павел быстро снял с себя фуфайку и накинул на Галину, поднял на руки и понёс домой.

Зайдя в хату, быстро переодел жену и, уложив в кровать, закутал в одеяло.

Наташа, подоившая корову, вошла в дом.

– Что с мамой? – тихо спросила она, заглянув в комнату родителей. Павел приложил палец к губам, а затем махнул рукой дочери, чтобы та не заходила. Выйдя из спальни, он тихо ответил:

– Опеть с Любкой поругаласи, ну и расстроиласи. Замёрзла. Пусть поспит.

– На яркуле была? Всю ночь?

Отец кивнул. Больше не задавая вопросов, Наташа зашла в комнату к братьям, разбудила и отправила их погнать корову на выпас.

Погодки Михаил и Иван, тринадцати и двенадцати лет, нехотя поднялись, постоянно зевая и отнекиваясь, но всё же, собрались и ушли. Не тревожа мать, Наталья занялась по хозяйству.

Галина не спала, но сильная слабость не давала ей подняться. В голове всё крутились Любкины слова, вперемешку с обидой и вопросами: «Неужели так и пройдёт жизнь? Так и не увидеть мне никогда Ленинград? Тридцать шесть... А что я видела? Эту деревню? Коров... овец... кур... Старалась в детстве быть хорошей. Училась на одни пятёрки. А зачем? Чтобы стать дояркой? Уж коровам точно не нужны мои грамоты и похвальные листы. Это бабушке нужен был отличный аттестат. Всегда твердила: „Ты – Ленинградка! Помни это. Ты должна быть лучше всех“. Потом тётку Евдокию мои пятёрки радовали. А мне они зачем? Почему я решила тогда, что должна обязательно выйти за одного из друзей? Ведь не выбирала их, это они... они сами меня выбрали».

До того дня, когда Павел с Сашкой в первый раз предложили ей сходить в клуб, ведь и не думала о них никогда, да и нравился ей совсем другой мальчик. Только не смогла она тогда понять, что любовь этих взрослых парней не благо для неё, а наказание. А ведь всё могло случиться иначе. Она и позже часто думала о том мальчишке – о Серёжке. Он был младше на год и учился на класс ниже. Это её тогда и останавливало. Казалось, стыдно на такого заглядываться. Тогда она даже самой себе не могла признаться, что именно он и должен стать её женихом. Серёжка уехал из деревни, как только Галина вышла замуж. Он ушёл тогда в армию, да так и не вернулся. И позже Галина часто его вспоминала, но сама же, себя и ругала, убеждая, что

всё в её жизни правильно. А в действительности? Вышла за нелюбимого только потому, чтобы все завидовали. И, чтобы самой не считать себя неудачницей.

Даже сейчас она лишь жалела себя, не понимая, что ненависть – это и есть главный её враг.

Ненависть к бабушке, за то, что рано умерла. К Евдокии, за то, что не отправила её в Ленинград. К Сашке, за то, что лишил её выбора. К Павлу, за то, что всегда готов угодить и всё простить. И даже к матери, за то, что ушла на фронт и погибла, а значит – бросила её.

Отсутствовало в душе Галины то единственное чувство, что принято называть любовью. Даже к детям. Наташа лишь казалась ей надеждой.

Надеждой на её несбывшиеся мечты. Галина обязательно добьётся, чтобы дочь поехала учиться в медицинский институт, пусть не в Ленинград, пусть в Новосибирск, но потом... потом она заставит её навестить и родной город, а может и остаться там. И тогда вдруг получится и самой отправиться вслед за дочерью.

Тридцать шесть – это вроде немного, но всё-таки и немало. Да, старая она. Права Любка – старая... Но не потому, что ей тридцать шесть, а потому, что нового в её жизни уже не будет. Даже мстить больше некому.

Наташа накрывала на стол. Павел заглянул в спальню.

– Не спишь? – тихо спросил он. Подошёл и осторожно присел на край кровати.

– Нет, – слегка покашливая, ответила Галина.

– Ну, кода уж ты у меня вырастешь? Всёя, как маленькая. Как чё, так сразу к яркулю несёши. Нашла из-за кого думки думать. И тая тоже без думок. Мало ей чёли? Егор постоянно лупастить, так нет же, неймётся ей. Ведь и других жалить и себя норовить.

– Ты, правда, меня любишь?

– Конечно, глупенькая моя, – Павел погладил жену по голове.

Она часто задавала ему этот вопрос, но сама никогда не говорила о том, любит ли его, а Павел и не спрашивал. К чему ему ответ, когда она сама рядом.

Галка всё пыталась понять, как можно любить, забывая и прощая? Не испытывая никогда такого чувства, не могла она понять и самого ответа, потому и спрашивала, надеясь однажды услышать что-то новое в словах мужа. Услышать и понять.

– Кушать будешь? – спросил Павел, поцеловав жену в лоб, попутно проверяя насколько сильный у неё жар.

– Не хочется... но надо... Нечего разлёживаться, – делая глубокий вдох и покашливая пред каждым словом, отвечала Галина.

– Да я тебя тута покормлю.

– Не... я встану... а то, что дети подумают?

– Да тое и подумают, чёе мамка белены объеласи, да и бегала всюю ночь под дождем, – улыбаясь, ответил Павел.

– Да ну тебя, – махнула Галина рукой на мужа, улыбнувшись. Откинула одеяла, пытаюсь встать. Павел помог ей.

– Ну, як ты?

– Нормально, – кашлянув несколько раз, ответила Галина. – А сколько времени-то сейчас?

– Дык, ето, шестой час ужо.

– Вечер что ли?

– Ну, да.

– Так я спала?

– Ага.

– А я и не заметила. А как же?.. – Галина вновь закашлялась. – На ферму-то я не смогу.

– Да мальчишки с утра ешшо сбегали, сказали, чёя ты заболела. Можя, тебе какой травки запарить? Ишь как кашляешь-то?

– Я сама... а то опять не ту кинешь... ещё чего приключится, – усмехнулась она, вспомнив, как Павел решил угодить, да вместо Melissa положил ей в чай полынь. От смеха сильно закашлялась. Прижавшись к мужу, постаралась заглушить приступ.

– Ну, они же сухие-то всея похожи, – с трудом сдержал Павел улыбку, тоже припомнив тот случай. Глядя жену по спине, он с тревогой смотрел на неё.

Травки в их доме появились несколько лет назад, да так и обосновались прочно. Галина думала, что навсегда. Как-то так случилось, что старая бабка Матрёна, помогая молодой женщине избавиться от нежеланного дитятка, выбрала её для передачи своих познаний. Ведала старуха, что умирает, а передать навыки некому. Тут и подвернулась ей в нужный момент молодуха, прибежавшая как-то ночью в слезах и умоляющая о помощи.

Совсем ещё мала была тогда Наташка, а молодая мать, натворившая глупостей, но считавшая, что поступает верно, потому как решила отомстить Сашке и наказать Павла, выполнила свой план, да вскоре поняла, что тяжёлая. Страх за то, что ребёнок может быть не от Павла и заставил её побегать ночью в дом старухи, которую все называли ведьмой.

Избавившись от ребёнка, довольная женщина и не заметила, как ещё одна чёрная полоса протянулась по её сердцу.

Галина уж и забыла о том дне, будто и не существовало его никогда. Но травы прижились в её доме и частенько соседки заглядывали за помощью. И как-то само собой закрепилось за ней прозвище – травница. А за глаза и ведьмой иногда называли.

Павел вывел Галину из комнаты, придерживая под руки.

Наташа, доставая ухватом из печи чугунок со щами, взглянула в их сторону, сказав:

– Мама, садись кушать.

– Сейчас, – ответила Галина и поманила рукой мужа, чтобы тот помог подойти к закуску*, где хранились её мешочки с разными травами. Стоя подле печи, опираясь на руку Павла, она брала по горсточке различных трав и складывала в большую кружку, не переставая кашлять.

– Налей кипятка, – сказала Галина, подойдя к столу, и поставила на него кружку. Присев на лавку, облокотилась о стол, зажав руками горячую голову.

– Может, тебе лечь? – взволнованно спросила Наташа.

– И, правда, мать, – Павел дотронулся до плеча жены, – горишь ведь всея. Давай-ка я тебя обратно в койку?

– Нет, – словно очнувшись, Галина подняла голову. – Я тут поем. Только мне, доча, немного и пожиже.

– Хорошо, – ответила Наташа, и быстро метнувшись к печи, взяла миску, и, налив матери щей, поставила перед ней.

Мальчишки, сидя за столом спиной к окну, ёрзали в нетерпении. Хотелось быстрее пообедать да бежать на улицу. Отец, сев во главе стола, заметил, что у забора вытанцовывает Фёдор.

– Ухажор-то уже прибыл, – усмехнувшись, сказал Павел, показывая на парня за окном. Мальчики обернулись и, засмеявшись, стали бормотать себе под носы: «Тили-тили тесто, жених и невеста».

– Хватит вам, – Наташа выдала по лёгкому подзатыльнику братьям.

– Зовите его к столу, – сказал отец. Мальчишки часто замахали руками, привлекая внимание Фёдора. Тот, зная привычку Наташиного отца всегда приглашать к обеду, только и ожидал этого. Не утруждая себя открыванием калитки, быстро перемахнул через забор и, пробежав несколько метров по двору, влетел в дом, чуть не ударившись головой о притолоку*.

– Садись, мы в аккурат обедать собираемся, – произнёс Павел фразу, уже давно ставшую дежурной. Фёдор, ничуть не тушуясь, быстро занял место рядом с мальчишками и с удовольствием стал поглощать щи, поданные Наташей.

– Натка кашеварила, – сказал Иван и, засмеявшись, добавил: – Хорошая жена кому-то достанется, – заметив сестринский взгляд, быстро уткнулся носом в тарелку, и только часто мелькающая ложка остановила Наташу от выдачи очередного подзатыльника брату.

Галина, покашливая, съела лишь пару ложек щей и, отодвинув миску, попросила дочь процедить ей травки.

– Ешшо поди не настоялиси? – спросил Павел.

– Пойдёт, – махнула рукой Галина и добавила тяжело дыша: – Наверное... и правда... лягу я... Никакого от меня прока... сегодня не будет... Хозяйничай доча... сама.

Павел помог жене встать и проводил в спальню. Потом вернулся за кружкой с настоящей травкой. Взглянув на миску Фёдора, сказал дочери:

– Плесни ему ешшо, а то чё ему ета порция.

Фёдор, широко улыбаясь, подал миску Наташе и, получив добавку, с удовольствием продолжил поглощать щи, будто и не обедал дома за полчаса до этого.

– Зря ты его привечаешь, – сказала Галина мужу, укрывающему её одеялом. – Не отдам я Наташу за него. Всё одно не отдам... Ей учиться надо, а ему в армию... второгоднику, идти... Двенадцатый год в школе учиться... и где это видано?

– Ну, не всем в отличниках ходить, – улыбаясь, ответил Павел, словно и не замечая раздражения жены. – Я ведь тоже троешник был.

– А он двоечник... Это его ещё жалеют... – медленно, но желчно говорила Галина, постоянно кашляя, – ...как никак председательский сынок... а то давно бы выгнали.

– Ну, чёго ты шумишь? – ласково произнёс Павел и поцеловал жену в лоб. Присел рядом и нежно погладил тело, закутанное в одеяло, словно младенца. – Парень-то хороший. Не хулиган, да и работающий. Мария прям не нахвалитси, ешшо рабёнок, а уже любому плотнику фору даст. Рукастый парень.

– Лучше бы у него голова так работала... как руки.

– Ну, не скажи. С дурной головой так не наробишь. Давеча заглядывал к ним, так он тама такой буфет сделал, загляденье просто. И ведь всё один. Дед только башлычил.* Федот-то стар уже сам. Дык внуку передал мастерство.

– А чёго это ты к ним заходил?.. А мне не говорил?

– Не говорил? – попытался искренне удивиться Павел, поругав себя мысленно, что поговорился. – Дык я так, мимо шёл, да и заглянул.

– А ну говори, – Галина сильно закашлялась, но, несмотря на это попыталась приподняться. – Чёго удумали?.. Знаю я тебя... А те и рады такую сноху заполучить... а ему в армию.

– Да чёго ты расшумеласи? Так поговорили немного. Ешшо до лета далеко.

– Ей только семнадцать будет.

– Да помню я. Не захотят до армии, дык потом, как придёт, и поженим.

– Да, что ты заладил?.. Не будет этого!.. Я сказала – не будет!

– Ну ладно, не волнуйси. Не будет, дык не будет. Лежи и не вставай. Чёго надо, дык я тут.

Накормив всех, Наташа быстро перемыла посуду. Мальчишки, смекнув, что мать заболела и не сможет им сегодня ничего запретить и заставить делать уроки, сразу же убежали со двора. Наташа ушла к себе в комнату переодеться, оставив Фёдора в одиночестве.

Павел посидел ещё немного у жены. Заметив, что она задремала, тихо встал и, осторожно, стараясь не скрипеть половицами, вышел из спальни.

Фёдор сидел у окна, перебирая руками занавеску. Заметив вошедшего в горницу хозяина дома, повернулся к нему и широко и глупо улыбнулся.

Нравился Павлу этот простой, без червоточинки в душе парень. Всё, что лежало у того на уме, так и выплёскивалось на лицо доброй улыбкой.

– На танцы пойдёте? – садясь рядом, спросил Павел

– Ага, – кивнул Фёдор. – Сперва к старому коровнику. Со студентами познакомимси, а потом на танцы.

– Смотрите тама, не долго, а то мать наша заболела, будет волноваться.

Фёдор кивнул, соглашаясь.

Из своей комнаты вышла Наташа в новом платье, чуть ниже колен. Хоть и пошитом из лёгкого ситца, но с рукавами. На ногах простые чулки и новые, недавно купленные туфельки с застёжкой-ремешком.

– Чё-то, доча, ты легко оделаси.

– Да там тепло.

– А вечером? Не, надень кофточку и ето, – указал отец на юбку.

– Ну, папа! – недовольно посмотрела Наташа на отца, зная, что он хочет сказать о гачах*.

– Чёго папа? Одень, сказал.

Наташа, потянув Фёдора за руку, быстро выскользнула из дома.

– И недолго! – крикнул вдогонку отец, улыбнувшись, понимая, что раньше, чем с первыми петухами не вернуться.

Заглянув в спальню и убедившись, что Галка спит, вышел во двор.

Любкина дочь Нюрка, развешивала бельё.

– Нюр! – крикнул ей Павел. – А ты чёго дома сидишь?

– А чё?

– Дык ето... танцы седня.

– Всем, чёли, по танцулькам бегать? Кому-то и работать надо.

Кивнув, Павел улыбнулся, подумав: «Всея в мать, прямо не язык, а жало».

– Вот достираю, да пойду на ферму мамке помогу. Ето ваша Натка только развлекаться могёт, нет чёбы за мать на дойку сходить.

– Нароботаешься ешшо. Сходила бы на танцы. Тама студенты приехали, вот с парнями бы и познакомилась.

– Ешшо чего! Больно они мне нужоны, – огрызнулась Нюрка и, взяв пустой таз, ушла в дом.

– Нужоны, ешшо как нужоны, а то так и просидишь в девках, – тихо сказал Павел. Но Нюрка услышав, выглянула из дома и язвительно прокричала:

– Зато в подоле не принесу. А Натаха ваша кажный день с разными гулят.

– Чего ето с разными-то? С одним Федькой они милуются.

– Ой, как бы ни так, – скривилась Нюрка, став ещё сильнее похожей на мать.

– Ох, и язва ты.

– Какá есть, – огрызнулась Нюрка и сильно хлопнула дверью.

Только сейчас Павел заметил, что у забора, разделяющего их дворы, стоит Любкин семилетний сын Серёжка и, прижавшись лицом к щели, внимательно смотрит на него.

– А ты чёго тутá?

– Мамка сказала со двора не ходить.

– Двойку получил?

– Не-а, у меня только звёздочки.

– Звёздочки? Это хорошо. Нравится учиться значить?

– Не-а, не нравится.

– Як же так?

– А, – махнул рукой Серёжка и перелез через забор на сторону соседей. – Говорил я мамке, отдай меня во второй класс, так нет, не захотела. Скучно там с ними.

– Скучно?

– Ага. Сидят, крючочки рисуют. Я уже давно читать умею. Меня Наташа научила. А чё этот здоровяк всё за ней ходит? Ты скажи ему, дядя Паша – я вырасту, сам на Наташе женюсь.

– Ну, – махнул рукой Павел, – когда это ешшо будет? Для тебя друга невеста найдётся.

– Не, я точно говорю, женюсь на Наташе. Вот закончу восемь классов, выучусь на тракториста и женюсь.

– Серёнька! – позвала брата выглянувшая из дома Нюрка. – Поди ка сюды. Дед тебя зовёт.

– Ну ладно. Пошёл я, – мальчик подал руку Павлу и, прощаясь, крепко пожал. Потом быстро перелез через забор и убежал в дом.

Павел вышел за калитку, усмехаясь, думая о Серёжке. Наташа часто с ним водилась. И когда помогала братьям с уроками, то попутно и Серёжку усаживала рядом. Учила его читать, а потом и писать. Мальчишка оказался на удивление сообразительным и схватывал всё на лету, что нельзя было сказать о Мишке с Ванькой. Сама Наташа, как и мать, училась на пятёрки. А вот сыновья удались в Павла и лицом, и ростом, и характером. Только волосы Мишка материнны взял – чёрные, волнистые, непослушные. А Ваньке достались отцовские – светлые. Если бы не волосы, то могли и за близнецов сойти. И учились так же, как и Павел, выше тройки получали оценки крайне редко. Это ничуть не смущало отца, а вот Галина наказывала мальчиков сильно и часто. Те, понимая, что порки и угла не избежать, всё равно прогуливали уроки. Убегали из дома, не исполнив данные матерью задания по хозяйству, а потом, возвращаясь, сразу ложились в кровать и делали вид, что уснули. Одним словом, росли обычными мальчишками, что злило Галину. Она мечтала, что и сыновья смогут уехать из Берёзовки, поступив учиться. Но чем старше они становились, тем меньше в это верила и сама мать.

Павел вышел со двора и присел у забора, прислонившись к нему спиной. Закурил и, улыбаясь, подумал о дочери. Не могло не радовать отца, что Наташа растёт красавицей и умницей. Уже и невеста совсем. Вспомнилась сестра Маринка. Галина хотела, чтобы после школы Наташа поехала именно к ней. Под присмотром тётки и в институт поступила бы, да и жила бы у той. Но вот Павлу совсем не хотелось отпускать дочь. Хотя и понимал, что держать Наташу подле себя всё одно не получится. Вырастет и выпорхнет из родительского гнезда.

Вспомнив Марину, вспомнил он и об отце с матерью. Жили они сейчас у сестры в городе.

Осколок, оставшийся после ранения и просидевший многие годы у Ивана Савельича в лёгком, вдруг решил зашевелиться. Маринка уговорила отца лечь на обследование в больницу, где работала вместе с мужем под крылом свёкра-профессора. Там и выяснилось, что необходима срочная операция. Много лет не обращал внимания Иван на этот «подарок» войны. Кашлял постоянно, но ведь так и должно быть, предупреждали же в госпитале. А вот рекомендации не выполнял, указанные в той справке, что получил при выписке вместе с полной демобили-

зацией. Тогда война для него окончилась и, вернувшись к семье, не думал он об отдыхе. И что иногда кашлял кровью, тоже молчал, а осколок потихоньку продвигался, пока не упёрся в околосоердечную сумку.

«Чёго его за сумка така́? – поинтересовался отец у Марины, когда она настояла на обследовании. – Откуда она тама взяласи?» Не поняв до конца объяснений дочери, всё же согласился на операцию. Но вот никак не налаживалось здоровья у Ивана Савельича, и сестра уговорила родителей и дальше остаться жить у неё.

Детей у Марины так и не случилось. Ещё студенткой вышла замуж за однокурсника Аркадия Фербах. А по окончании института, не без помощи его отца-профессора – Якова Аркадьевича остались они работать в Новосибирске. Сначала отговорки – надо окончить институт, потом – надо встать на ноги, действовали на родню. Но затем всем стало ясно – просто не может Марина родить. Уж, какая там причина, Павел не знал, но сестру очень жалел. Как-то Галина сказала, что «вина не в Марине, а в Аркашке, потому и нет у них деток». Но сказала так, будто и не пожалела золовку, а наоборот похвалила, что та не смогла стать матерью. Это удивило Павла, но не более. Задумываться он не стал, почему жена так относится к этому. А Галина просто надеялась, что бездетная золовка с радостью примет у себя племянницу. Сейчас там жили родители, но всё же не верила Галина, что свёкор долго протянет, хотя и не показывала вида. А свекровь потом вернётся назад в Берёзовку, и для Наташи освободится комната у тётки.

Глава 2

Мысли о дочери, сестре и родителях унесли Павла назад в прошлое, в тот день, когда только родилась Наташа.

Лето 1957 года:

– Девочка! – сказала Павлу то ли медсестра, то ли нянечка – низенькая, полная старушка с добрыми глазами. – Поздравляю, папаша! Вчера родилась. Ты совсем немного не дождался. Только уехал, а жена твоя и родила.

– Дык вы сами меня отправили, – расстроено ответил Павел. – Сказали, ешшо долго.

– Да я же не в обиду тебе. Что ты? И правильно, что уехал. Чего тут-то сидеть? – ответила она, поглаживая Павла по руке и, запрокинув голову, смотрела с улыбкой.

– А какá она?

– Какая? Три шестьсот, пятьдесят четыре сантиметра.

– Это як?

– Это хорошо. Большая, красивая. А ты сына, поди, хотел?

– Ага, – кивнул Павел. – Но, ничёго, сын потом будет, – улыбаясь, ответил он.

– И правильно, – нянечка похлопала молодого отца по руке, не дотянувшись до плеча. – У такого богатыря, конечно, ещё и сын будет, и не один. А первой должна быть обязательно девочка.

– Почему? – удивился Павел.

– Так сперва нянька, потом лялька. Подрастёт дочь, и мамке помощница будет.

Павел, улыбаясь, покачал головой, соглашаясь с женщиной и уже представляя себя во главе большого семейства.

Через неделю забрал он Галину с дочкой из больницы. Имя придумали быстро, вернее, и думать не пришлось. Галка сказала, что назовёт девочку именем своей мамы. На том и порешили.

Получив в руки небольшой свёрток в кружевах и бантиках, Павел почувствовал себя безмерно счастливым. До этой минуты он и не подозревал, что такое – взять на руки своё продолжение, свою частичку. Раньше думал, счастье – это Галка. Теперь его счастье расширилось, захватив и ещё одно существо и сделав его самым главным. Даже тогда, вернувшись из армии и поймав Галину в свои объятия, когда понял, что теперь она обязательно станет его женой, счастье не казалось таким огромным по сравнению с тем, какое испытывал сейчас.

Сейчас он держал на руках маленькую дочку.

Сейчас это новое счастье не имело границ.

Галка, ухватившись за руку мужа, сенила рядом, стараясь не отставать. Павел шёл размашисто, гордо, держа в своих больших руках их дочь, переключив всё внимание лишь на этот маленький свёрток.

Бессонные ночи совсем не расстраивали Павла. Он, жалея жену, сам с удовольствием вставал, брал из колыбельки Наташу, пеленал и подавал Галине покормить. Ложился рядом и с нежностью смотрел, как маленькое сокровище с аппетитом сосёт материнскую грудь. На лице Павла появлялась мечтательная улыбка. Он видел, как дочка ползает, потом начинает ходить. Произносит первое слово, и обязательно это будет «папа». Как идёт в первый класс, и вот наступит момент, и она... Дочка вырастет и выйдет замуж – эти мечты казались самыми неприятными. Совсем не хотелось, чтобы его Наташа становилась взрослой. Но понимал – это неизбежно, и обязательно произойдёт.

Каждое кормление всё повторялось. Он смотрел на самое красивое личико в мире, глупо улыбался и продолжал мечтать.

Накормив, Галина передавала малышку мужу, и он нежно укладывал её в колыбельку. Потом возвращался к изменившейся после родов жене, превратившейся из девчонки в страстную женщину.

Время потекло быстро. Каждый день он видел что-то новое в маленькой дочке. То она поймала его взглядом своих небесно-голубых глаз, то улыбнулась. То морщилась, а потом приходилось менять пелёнки, но это совсем не расстраивало молодого отца.

Наступил июль и, зная, что придётся уехать на целых две недели, Павел всё свободное время проводил с малышкой. Тяжелее всего, оказалось, расстаться именно с ней, с этой крошкой. Ведь она столько сделает без него. Уже поднимает свою маленькую головку, когда отец кладёт её перед кормлением на животик и сильно упирается ножками, а ещё показывает папе язык...

Наверное, это были самые длинные две недели в его жизни. И вот наконец-то сенокос закончен, и он торопится домой.

Натаха так изменилась, словно не видел её целый год. Но всё же, узнала отца, в этом Павел не сомневался. С трудом оторвавшись от малышки, он быстро поел и, лёг на кровать, уложив Натаху рядом. Стал расспрашивать, как она жила без него? Малышка строила рожицы и на каждый вопрос отца показывала язык, потом улыбалась и вновь смешно морщилась. Так не хотелось отходить от неё, но Галка ушла доить корову...

Пока жена ходила беременной, Павел всегда сам забирал ведро с молоком. Да и потом, после родов. И сейчас не стоило поднимать Галке тяжести, и так за две недели без него натаскалась ведер да тазов. Павел нехотя встал и не в силах отвести взгляд от девочки, сказал, что скоро вернётся и, боясь, как бы ни броситься обратно на кровать, резко повернулся и вышел из комнаты.

Думая о том, что Галка уже подоила корову, он, обуваясь, посмотрел в окно. Выйдя во двор, потянулся, с улыбкой подумав о предстоящей ночи, и направился к стойке.

Секунда перевернула всю его жизнь.

Друг, брат, тот, кому он верил, как самому себе... насильно взял его жену. Его Галку. Маленькая женщина не в силах была вырваться. Она только и смогла закричать, увернувшись от грубых и ненавистных губ соседа.

Павел метнулся к ним. Отшвырнул в сторону бывшего друга и бросился избивать, ломая тому нос, выбивая зубы, кроша всё, что попадалось под кулаки. Одно желание сейчас владело Павлом – убить.

На шум сбежались все домочадцы. Свекровь бросилась к Галке. Иван Савельич попытался оттащить сына одной рукой. Но Павел не чувствовал и не слышал ничего. Желание убить затмевало всё. Одиннадцатилетняя сестра – Маринка – пронзительно кричала, не осознавая до конца, что произошло. Её больше всего испугало поведение брата. Всегда такой добрый, ласковый, ни разу не крикнувший, ни на мать, ни на неё, ни на Галку, он жестоко, страшно избивал Сашку. Их Сашку, которого и Марина всегда считала братом.

Крик сестры вывел Павла из состояния, превратившего его в зверя. Он обернулся, ненадолго замерев. Иван Савельевич, воспользовавшись этим, стал отталкивать сына от лежащего без сознания Сашки. Марина, прижав кулачки ко рту, со страхом смотрела на брата.

– Маринушка! – протянул Павел к ней руку, измазанную Сашкиной кровью, но та, испугавшись ещё сильнее, отскочила в сторону. Арина Фроловна прижала к себе дочь, отмахнувшись от сына, и, успокаивая, повела в дом. Павел обернулся к Галке. Та с испугом смотрела на него. Никогда она не видела Павла таким. Он, выдохнув, сильно встряхнул головой, словно

хотел избавиться от той ненависти, что пеленой окутала его, пугая родных. Потом бросился к жене и, подхватив на руки, понёс из стайки. На шее Галины, из небольшой ранки проступала кровь. Сашка перестарался и прокусил кожу. Вид этих тёмных, почти свернувшихся капель, заставил Павла остановиться, но, сделав пару глубоких вдохов, он понял, что больше Сашки Еремеева для него не существует. Нет такого человека на Земле, и не стоит возвращаться к тому куску дерьма, что валялось в углу стайки.

Павел, не задавая вопросов, помог жене помыться, потом сжёг в бане её вещи, чтобы ничего не напоминало об этом дне. И никогда, ни единым словом, не обмолвился о том, что случилось. Он словно выкинул всё из своей памяти. Хотя иногда память всё же приоткрывалась. Будто острый клинок медленно проникал в сердце, поворачиваясь там несколько раз, заставляя Павла лишь крепче сжимать зубы и вспоминать что-то хорошее, заглушая боль радостью. Их первый поцелуй с Галкой, первую брачную ночь, когда совсем неумелый парень ласково, боясь сделать что-то не так, впервые прикасался к обнажённому телу любимой. Вспомнил рождение Натахи. Вспоминал всё, что входило в круг счастья, а плохого...

Плохого в жизни Павла просто не существовало, как не существовал больше и сам Сашка.

Прибежавшая тогда на шум Ольга – мать Сашки, без расспросов поняла, что произошло. С трудом она приподняла сына и с мольбой посмотрела на Ивана, но наткнулась лишь на пустоту. Отец Павла, не сказав ни слова, будто и не было перед ним никого, отвернулся и ушёл. Выйдя во двор, Иван закурил, вспоминая погибшего друга. Как же так случилось? Где он проглядел? Как не уберёт Сашку? И он виноват в том, что случилось. Ведь обещал Виктору, если что... не бросить его сына, воспитать хорошим человеком. А вон как всё обернулось.

– Чё это там у вас случилася? Чёго все оруть-то?

Вопрос соседской снохи заставил Ивана вздрогнуть и отвлечься от раздумий. Он посмотрел на Любку, стоявшую за забором, разделявшим их дворы. Та, стараясь хоть что-то рассмотреть, сильно вытягивала шею и даже привстала на носки. Но стайка находилась за домом, и любопытной молодухе никак не удавалось понять, что же, такое произошло у соседей?

– Ну чёго это ты животом-то ограду подпираешь?! Навалилась, як боров. Не ровён час опять сломаш! – подходя, поругался на неё Иван. – Ведь только поправил Пашка её, а ты опять прилипла як бурьян. Ишь, устроила тут гледень!* Иди-ка лучше в дом! Не твоего это ума дело.

– А вы мене не указывайте. Я у себя во дворе стою, куда хочу, туда и зырю.

– Любка! А ну, подь сюды! – крикнул выглянувший из дверей своего дома Степан – свёкор молодухи.

– Ну, чё-о-о? – попыталась возмутиться та.

– А не чё. Спать пора! – погрозил он ей кулаком.

Любка нехотя, постоянно оборачиваясь, стараясь хоть что-то увидеть, пошла к дому. Степан, пропустил её в дверь и в сердцах шлёпнул по заду. Та дёрнулась и что-то буркнула себе под нос. Сосед вышел во двор и направился к Ивану.

– Дал же Бог сноху, врагу не пожелаешь! – подходя к забору, рассержено сказал он.

– Как там Егор-то? – решил спросить Иван о сыне соседа, стараясь не думать о том, что случилось в его семье.

– Служить. В Казахстан отправили. Оставил нам... подарочек, – кивнул он в сторону своего дома. – Ему тама сейчас легче, чем нама тута.

– Ну, могёть родить, да и некогда будеть за соседями подглядывать.

– Ой, не знаю. Только и делат, что сплетни собирает. Все уши прожужжить за вечер. Хорошо хоть днём её не вижу. А батю, прям замучила. Хоть бы и правда скорее уж родила.

– А скоро?

- Да вроде уже все сроки вышли. Вчерась в район её возил, да возвернули. Посмотрели, сказали ешшо недельку погодить.
- Ну, дай-то Бог всё нормально будеть.
- Да, какой тута нормально, – обречённо махнул рукой Степан и пошёл обратно в дом.

Плача и ругая себя, что не смогла правильно вырастить сына, Ольга с трудом вытащила Сашку из стайки. На воздухе тот пришёл в себя и, плохо понимая, что произошло, посмотрел на мать. Страшный, пустой взгляд. Душа словно покинула Сашку ещё до его смерти. В этот миг Ольга поняла, что сын уже никогда не станет прежним.

Две недели он провалялся в кровати, постоянно теряя сознания. Дышал Сашка, с трудом, постоянно вскрикивая. И по ночам, если засыпал, то начинал стонать, пугая этим Ольгу. Поминала она, что не только синяки на теле виноваты в таких болях, а, может, что-то ещё и сломано у него там внутри. Да помочь не знала как. Постепенно и синяки на теле, и чёрные круги вокруг глаз, и ссадины сошли. На разбитых участках образовались грубые корки. Лицо, потеряв прежнюю красоту, медленно заживало. И повреждённый глаз, и рассеченная бровь, и перебитый распухший нос, и разорванная губа – всё хоть и медленно, но приходило в норму, только вот душа, казалось, уже не способна залечить себя. Именно ей нанесли самую сильную рану. И не друг, готовый убить, а та, о которой всегда и мечтал Сашка, даже сейчас. Может, приди она попроведовать или повиниться и простил бы он...

Ольга, как могла, ухаживала за сыном. Уходя утром на ферму, она весь день думала лишь о нём. Делиться своей болью ни с кем не хотелось. Да и как сказать, что сын такое сотворил?

Ещё в первый день после случившегося на вопрос председателя, почему Сашка не вышел на работу, спрятала взгляд, уставившись в землю и, утерев подступавшие слёзы, сказала, что: «Запил сильно. Упал с сеновала, и разбилси. Наверно, несколько дней проболееет, а уж потом обязательно всёя и отработаеть». Она верила, что сын действительно сможет вернуться к работе в колхозе и даже подумать не могла, что произойдёт всё иначе. И каждый раз, когда кто-либо спрашивал о Сашке, твердила, что он уже скоро поправится. Но дни шли, а Сашка всё лежал в кровати. И каждый вечер, возвращаясь домой, Ольга обнаруживала, что сын опять не ел. Миска с едой, что она ежедневно оставляла ему, так и продолжала стоять рядом на табурете нетронутая. С трудом напоив исхудавшего сына тёплым молоком, она падала на кровать, утирая слёзы о подушку. Только ей, одной своей подружке каждую ночь изливала Ольга всю боль, что рвала сердце и душу.

На третью неделю, не залечив до конца раны, как только мать ушла на ферму, Сашка встал, собрал свой солдатский чемодан и, покачиваясь, вышел на рассвете из дома, исчезнув на долгие десять лет...

Сентябрь 1973 год:

Павел тяжело вздохнул, расставаясь с плохими воспоминаниями и вновь подумал о самом светлом в своей жизни – о Натахе.

– Как быстро ты выросла, – тихо произнёс он, сидя на корточках у забора. – Совсем невеста.

Хотя дочь и ушла уже далеко, но он всё ещё видел её, переживая, что та легко оделась. Вздохнул с улыбкой, поняв свою оплошность, когда чуть не произнёс при парне то, что так не хотела слышать дочь.

– Всё ж надо было уговорить гачи одеть, да не при Федьке, – прошептал он, покачав головой. – Застудитси ведь...

– Сосед, ты чёго это тут бормочешь?

Павел оторвал взгляд от дороги, чуть повернувшись, и увидел ноги в кедах и старых спортивных штанах. Не вставая с корточек, запрокинул голову и посмотрел на стоявшего рядом с ним мужчину – невысокого, когда-то симпатичного, но теперь спившегося Егора – мужа Любки. Задумавшись, Павел не услышал, как тот подошёл. Егор находился в обычном своём состоянии – навеселе. Из оттопыренного кармана потертого, лоснящегося от времени серого пиджака, одетого на голое тело, торчала початая чекушка.

– Что-то ты рановато сегодня? – поднимаясь на ноги, спросил Павел, зная, что тот возвращается домой уже затемно.

Но как бы Егор не напивался, неизменно каждое утро он спешил на ферму и до обеда, как заводной таскал коровам силос, убирал навоз, а уж потом, считая, что рабочий день закончен, сбегал и появлялся дома, лишь, когда смеркалось и чаще ползком. Любка всегда дожидалась его и, заметив, бежала на помощь. Взваливала на себя и тащила домой. Иногда Егор находил в себе силы проучить жену, а иногда засыпал у неё на руках.

– Воскресенье. Гуляю. Имею право, – улыбаясь, развёл Егор руки в стороны. – Пойду с девками городскими знакомиться, – щёлкнул он языком. – Да не с пустыми руками, – гордо похлопал себя по карману.

– Думаешь, с ентим они тебя лучше примут?

– А то! Немного выпил для храбрости...

– Немного? – усмехнулся Павел.

Не заметив иронии соседа, Егор продолжил:

– В прошлом годе помогло. Ух, тогда у них одна была... – Егор, зажмурившись, потряс головой, – ...забыл, как звали... – он с удивлением посмотрел на Павла. – Ты не помнишь? Я тебе рассказывал?

– Да уж хвасталси. Раз сто. И чёго тебе неймётся? Жена есть, дети. Вон Нюрка уж невеста почти. А ты всё по девкам...

– Бр-р-р... – передёрнулся Егор. – Не говори мне о Любке.

– Не надо было жениться, а то не живёте, а так... – Павел махнул рукой, и протянулся было к калитке, намереваясь открыть. Но Егор, заметив это, шагнул к нему, перегородив дорогу.

– Пойдём со мной, – позвал он, стараясь подмигнуть. Но глаза не очень-то его слушались. Он шурился, помогая ртом, но это лишь напоминало нервный тик.

– С чёго это? Мне не надо.

– Неужто? И чё, никогда и ни с кем, кроме Галки? – тихо спросил он, всё же подмигнув, и резко запрокинул голову назад, пытаясь заглянуть в глаза Павлу, намного выше его ростом. А так как Егор слишком близко подошёл, то этот кивков чуть не опрокинул и его самого.

– Эй, эй! – Павел успел поймать за руку. – Осторожно, а то вместо девок в больницу загремишь.

– Не-а, – погрозил Егор пальцем, – не выйдеть, – стараясь, освободится от помощи Павла, он стал отступать, размахивая руками. Упершись спиной в калитку соседского двора, остановился, и вновь посмотрев Павлу в глаза, спросил:

– Дык чё, точно ни разу?

– Слушай, могёть ты спать пойдёшь?

– Ешшо чего?! – возмутился Егор и, достав чекушку, сделал пару глотков.

Павел, понимая, что никакие нравоучения не помогут, усмехнувшись, смотрел на него.

Занюхав рукавом, Егор, плотно закрыл бутылку пробкой из скрученной газеты и убрал назад в карман.

– Ну и чё? Пойдёшь со мной?

– Нет.

– Ну и как хошь, – махнул сосед рукой и, развернувшись, нетвёрдой походкой направился к желанному знакомству.

Павел проводил его взглядом и зашёл к себе во двор, услышав, как хлопнула дверь. Он обернулся и с сочувствием посмотрел в сторону соседского дома, поняв, что Нюрка следила за отцом.

Егор женился до армии, на Любке, старше его на семь лет. Если бы не интерес ещё совсем мальчишки к взрослой жизни, то, видимо, осталась бы Любка со своим характером и внешностью в девках. А так беременность оказалась, как никогда, кстати. Насевшие на семью Егора Любкины родители довели всё до свадьбы. И, несмотря на то, что сама-то не без греха, но осуждала Любка всех и вся. Нюрка уродилась полная копия мать: и внешностью, не вызывающей ни у одного парня в деревне желание засматриваться на неё, и характером. Она готова была ругать всех и с огромным удовольствием распространяла сплетни, по большей части и придуманные самой же. Маленькие пороссячи глазки, обрамлённые белёсыми ресницами, тяжёлый, утолщенный книзу нос, тонкие губы... Как и мать, она всё время прищуривалась и с повизгиванием, брызгая слюной, ругалась со всеми. Всё это, да ещё кривые зубы, делали девушку довольно неприятной в общении. Даже когда она молчала, то её бегающие глазки так и выискивали – с кем бы поругаться.

Младший в семье Егора – сын Серёжка, сильно отличался от всех. Если бы не знал Павел так хорошо Любку, то мог подумать, что где-то умудрилась она нагулять мальчика. Но едва ли мог найтись в деревне кто-то ещё, кроме Егора, позарившегося на такое сокровище. Да и сама Любка не уставала напоминать всем, что она верная жена и хорошая хозяйка. Что касается до хозяйки, так Серёжка всегда нахваливал стряпню Галины и Натальи, говоря: «Мамка так не умеет, у вас вкуснее выходит». А о том, какая она верная, так об этом знала вся деревня не только со слов Любки, но и от самого Егора, не забывающего костерить жену по поводу и без. Насмешки ему не мешали, он и сам с удовольствием высмеивал Любку и, особенно о том, какова она в постели, описывая во всех подробностях. А приходя по вечерам домой, неизменно пьяным, почти ежедневно бил Егор жену за то, что навязала ему себя, за то, что старше, за то, что некрасивая, за то, что не может ни с кем жить в мире... Но ту словно и не волновали кулаки мужа. Она нисколько не менялась. Да и каждый раз, появляясь на улице с очередным синяком под глазом, гордо заявляла: «А чё, мой мужик не могёт меня и лупануть? Ревнуеть, вот и бьёт. А раз бьёт, значить любить!»

Когда отец «учил» мать, Серёжка забирался на печь к деду, вернее, к прадеду и тихо плакал, уткнувшись тому в живот. Никто и не видел его слёз, кроме деда. Не понимала Любка, какой у неё сын уродился. Мальчик, обладая мягкой душой, тяжело переживал ежедневные приступы ярости отца и, вырастая, больше всего боялся, что станет похожим на него. В детской голове навечно засело: если он не будет слушаться мать то, та часть, что есть в нём от отца, вырвется наружу.

Именно этот страх и заставлял Сергея подчиняться матери всегда и во всём, не пытаясь перечить.

Сентябрь 1973 год:

Фёдор знал от отца, что автобус со студентами сразу направится к старому коровнику, переоборудованному в общежитие, и предлагал Наташе пойти туда. Но она ответила, что «это неприлично и мы идём на танцы, а не студентов смотреть». Фёдор не стал спорить и как всегда, соглашаясь с ней, сунул руки в карманы брюк и пошёл следом к клубу. Пыльная пыль он периодически оглядывался, строя рожи идущему за ними, отставая на несколько метров, Володьке.

Уверенный в том, что всё же рано они вышли из дома (можно было ещё и чай попить), Фёдор оказался прав. Как и предполагал приехавших студентов возле дома культуры не наблюдалось. Да и из местных ребят, кроме их да Володьки, никто ещё не пришёл. Лишь несколько молодых семейных пар, которые всё ещё продолжали бегать на танцы, да старушки, сидящие на лавочке возле дверей, узнавшие с опозданием, что кино отменили – вот и все, кто раньше их появился перед домом культуры, окружённым редко растущими деревьями с множеством тропинок.

Наташа покрутилась на каблучках, вытягивая шею, чтобы лучше осмотреть территорию, и вздохнув, с печальным взглядом, спросила у Фёдора:

– И что теперь? Рано ещё. Не хочется тут стоять.

– А я говорил, – улыбаясь, ответил тот. – Может, пойдём тогда к коровнику? – предложил, махнув рукой в сторону.

– Как-то неудобно, – пожала Наташа плечиками.

– А чё такого? – удивился Фёдор.

– Ну... мы же не знаем там никого.

– Ну и чё? Вот пойдём и познакомимся.

– Не «чёкай», – наверное, в тысячный раз попросила она Фёдора. Но тот, как всегда, не обратил внимания, хотя и кивнул.

Наташа, с детства слышавшая от матери, как не надо говорить, прочно это усвоила, и местный говор совсем не отражался в её речи. Так же, как когда-то мать пыталась переучить отца говорить верно, она старалась выправить Фёдку. Но, как и мать, Наташа привыкла, что вокруг все говорят немного иначе и замечала окружающий её диалект нечасто. Даже речь отца принималась ею нормально. А вот слова братьев и Фёдора немного раздражали. Лишь на них она обращала внимание и постоянно одёргивала.

– Вот ты не слышишь меня? Говорю же тебе – не «чёкай»! – Наташа ткнула Фёдора пальцем в грудь. Тот в ответ только улыбнулся.

Постепенно к клубу стали подтягиваться ребята (в основном старшеклассники), но и учеников младших классов тоже оказалось немало.

– Ещё нет танцев?! – запыхавшись, крикнул, подбегая к ним Мишка, старший из Наташиных братьев.

– Не-а, – ответил Фёдор. Заметив распухшие на школьном пиджачке карманы и поняв, что там семечки, он потянул за ворот к себе мальчишку.

– Ты чего?! – попытался возмутиться Мишка.

– Поделись, а то мы забыли, – ответил Фёдор и бесцеремонно полез в карман к Мишке. На второй пригоршни тот вновь возмутился и попытался остановить Фёдора за руку:

– Эй! Мне-то оставь, – ловко вывернулся и отбежал в сторону.

– А Ванька где? – крикнула Наташа, выискивая глазами второго брата.

– Да он, наверно, к коровнику подался, – ответил Мишка и побежал дальше.

– Ну чё? Идём? – спросил Фёдор и потянул Наташу за руку.

Но она, заметив приближающихся к ним одноклассников, привстала на носочки и, подзывая, помахала им рукой.

– погоди. Вон ребята идут, – остановила она Фёдора. – Все вместе и пойдём. И не «чёкай», – дёрнула его за рукав пиджака.

К ним подошли две девушки и пятеро парней. Володька, державшийся в стороне, теперь без опаски мог присоединиться к группе ребят.

Принарядившиеся девчонки выделялись на фоне юношей. Те хоть и старались придать своей внешности порядок, но всё равно выглядели так же, как и в школе. Те же школьные

брюки и пиджачки, разве что причёски чуть приглаженные. А девушки – в новых платьях, туфельках, с косами, заплетёнными по-иному – походили на именинниц.

– Ну всё, остальных не ждём! – тоном главного, нетерпеливо произнёс Фёдор. – Пошли знакомиться, – он потянул за руку Наташу. Остальные ребята и не думали противиться. Смеясь и разговаривая, не переставая лузгать семечки, они последовали за Фёдором.

Выходя из автобуса, приехавшие студенты – кто с рюкзаками, кто с чемоданами, а кто и с сумками через плечо – с ироничными улыбками поглядывали на место своего нового жительства.

Старый, давно небелёный коровник с облупившимися стенами. Новые оконные рамы на маленьких вертикальных оконцах, чуть не под самой крышей. Вид постройки очень напоминал место общественного пользования, иногда встречающееся в городе.

Здание, именуемое теперь общежитием, подлатанное в основном изнутри, окружал редкий забор из не тёсаных брёвен. Дорога, по которой приехали студенты, уходила дальше к новым постройкам. И хотя они виднелись, но можно было догадаться, что находятся далеко.

За общежитием, метрах в ста, располагался лес. Первый ряд стройных почти одного роста берёзок говорил о том, что высаживали их специально, после вырубки деревьев, а вот дальше возвышались вечнозелёные ели и сосны.

– А что?! – из автобуса выпрыгнул паренёк невысокого роста, с рыжими волосами, торчащими непослушными прядями в разные стороны, голубыми искрящимися радостью глазами, морем веснушек на носу и щеках, и улыбкой до ушей. – Нормально! В прошлом году, вообще, жили, где придётся, – вот он-то точно не выглядел расстроенным ни приездам в деревню, ни местом, отведённым под жильё.

– Да-а-а... – задумчиво, покачивая головой, произнесла одна из девушек. Она, скромно прижимая к себе сумку, стояла, прислонившись спиной к автобусу, словно не желала расставаться с ним. Девушка с явным неудовольствием поглядывала вокруг, – Тебе, Толик... виднее, – часто кивала она и тяжело вздыхала. – Ты у нас уже... опытный картофелесборщик.

Ребята дружно рассмеялись.

Последним из автобуса, держа в одной руке гитару, а в другой – импортную спортивную сумку, вышел высокий мужчина с пышной шевелюрой вьющихся, чуть припорошённых седой, волос.

– Ну что, детвора, ничего не забыли? – обратился он к студентам, вызвав у некоторых усмешки. Закинул сумку на плечо и освободившейся рукой, словно невзначай, погладил по спине стоявшую рядом девушку, даже не взглянув на неё. Та, недовольно хмыкнув и дёрнув плечиком, прошла перед ним, встав подле парней. Мужчина усмехнулся и проводил её взглядом, причмокнув губами. Студенты, сделав вид, что ничего не заметили, отвернулись и с брезгливыми выражениями лиц уставились на бывший коровник. Оттуда уже семенили к автобусу сёстры Митрофановы почти неотличимые друг от друга ни внешностью, ни одеждой.

– А это что за божьи одуванчики? – тихо произнесла одна из девушек. – Они тут что, все такие?

– Здра-а-асьте-е-е... – хором, нараспев, заговорили старушки, кланяясь гостям.

– Как доехали? – улыбаясь, спросила одна из них.

– Не растрясло? – качая головой, поинтересовалась вторая.

– Нормально, – ответил мужчина и, растолкнув ребят, вышел вперёд. – А председатель-то ваш где?

– Да вона он, пылить, – указала рукой одна старушка на дорогу, где председательский газик, действительно поднимая пыль, мчался к ним. Сильный дождь, пролившейся на Берёзовку ночью уже не оставил и следа. Яркое солнце последних осенних тёплых деньков быстро высушило землю и пыль, поднимаясь из-под колёс газика, облаком стояла над дорогой.

Все дружно развернулись в сторону приближающейся председательской машины и застыли в ожидании.

– Приехали?! – радостно прокричал Кирилл Сергеевич, спешно покидая кабину. И, вытянув вперёд руку, широко шагая, направился к сопровождающему студентов педагогу.

– Приветствую! – сказал он, обмениваясь с тем, крепим рукопожатием. – Как доехали? Без приключений? – и, не дав собеседнику ответить, быстро обвёл взглядом студентов, обратившись уже к ним: – Поди, проголодались? Ничёго. Сейчас накормят вас, – взглянув на сестёр Митрофановых, спросил их: – У вас тама ужо готово?

Старушки, улыбаясь, закивали.

Председатель вновь обернулся к преподавателю:

– Ну, давайте знакомиться. Я, значить, председатель сего колхоза – Козлов Кирилл Сергеевич. А вы?

– Александр Иванович, кандидат наук, преподаю философию этим оболтусам, – кивнул он на студентов. – Вот, откомандировали приглядывать за ними.

– Хорошо. Это хорошо, что на этот раз прислали мужчину, – улыбаясь, кивал председатель, продолжая трясти руку кандидата наук. – А то в прошлом годе... – Кирилл Сергеевич окинул взглядом молодежь, – ...сопровождающей была совсем молоденькая. Аспирантка, кажется. Дык какой от неё соглядатай? Совсем ешшо девчонка. Надеюсь, теперя под пристальным вниманием детки будут? – выделив слово «детки», Кирилл Сергеевич, прищурившись, вновь обвёл взглядом, стоявших вокруг него студентов.

– Постараемся, – улыбнувшись, ответил кандидат наук.

– Вот и хорошо, вот и ладненько, – сказал председатель, и, наконец-то, отпустив руку преподавателя, направился к Митрофановым.

Александр Иванович, поморщившись, растёр ладонь.

– А это ваши нянюшки будут, – обняв сестёр, продолжал говорить председатель. – Это, – кивнул он на одну из старушек, – Авдотья э-э-э... – задумался Кирилл Сергеевич, стараясь вспомнить отчество Митрофановых. Но он никогда не слышал, чтобы кто-то называл их по отчеству, а отца старушек, в силу их преклонного возраста, и давно не знал, – ...да попростому, зовите тётка Авдотья, а это, – посмотрел он на вторую, – тётка Прасковья. Кормить вас будут, да и за порядком следить. Ну, давайте теперича, – он, отпустив старушек, указал студентам на коровник, – вот сюды и проходите. Это ваше абщажитие теперича будет. Спать тута будете. И столоваться тоже. Конечно, на поле обед тоже будет, за это не волнуйтесь, – и, стараясь успокоить ребят, хотя те ещё и не поняли, когда им нужно волноваться, председатель поднял руку, повернув ладонью к ним, и подмигнул. – От голода умереть не дадим.

Молодёжь, переглядываясь, с трудом сдерживая смех, направилась ко входу в коровник-общезитие.

– Парни туды! – перекрыв собой вход, грозно скомандовала тётка Авдотья, указав рукой на другой край здания. – Здеся только барышни будут жить.

Переглянувшись и засмеявшись, юноши направились к указанному входу.

Осмотр помещения не занял много времени. Девушек прибыло меньше, чем юношей, и несколько лежаков с женской половины перекочевали на мужскую. Обед студентов уже дождался. Войдя в центральную часть общезития, превращённую в столовую, молодёжь, глотая слюнки, быстро рассаживалась по лавкам. Аромат наваристых щей и тушёной картошки, да

щедро разбросанные еловые ветви под каждой лежанкой практически скрывали прежние благоухания. Студенты уже и забыли о первом ощущении, когда вошли в общежитие. Голод сыграл свою роль. Семь часов в пути давали о себе знать. Хоть и отправились в дорогу с бутербродами, пирожками, термосами с чаем, но молодые и вечно голодные, они съели всё в первый час пути, а дальше развлекали себя лишь песнями.

По мере наполнения желудков первое гнетущее впечатление от увиденного пейзажа угасло и предстоящая жизнь в колхозе и работа на поле, начинали казаться приятным развлечением. Немного утолив голод, ребята продолжали обедать, разговаривая и громко смеясь. Парни обращались к девушкам, называя их исключительно барышнями, что вызывало дополнительное веселье.

Убедившись, что студенты освоились, Кирилл Сергеевич решил произнести небольшую речь:

– Ну, ребятки!.. – громко начал он, вставая из-за стола.

В помещении резко повисла тишина. Молодёжь прекратила не только смеяться, но и жевать, уставившись на председателя.

– Да вы, кушайте, кушайте, – заметив такие перемены, Кирилл Сергеевич решил успокоить студентов, и помахал рукой, словно приглашая всех присесть, хотя никто, кроме него, и не стоял. – Кушайте и слушайте. Седня воскресенье и у нас в клубе танцы! – торжественно произнёс он.

Кивки головами, перешёптывания и смешки прокатились над столом.

Словно не замечая весёлости молодёжи, председатель очень серьёзным тоном продолжил:

– Вот пообедайти и на танцы. С нашими ребятками познакомитесь. А завтра на работу. Лечь седня надо пораньше. Подъём в семь утра. Ну вот, вроде и всё, что я хотел вам сказать. Я пойду, а вы кушайте. Приятного аппетита! – с этими словами председатель, улыбаясь, покинул коровник-общежитие.

Тишина, повисшая над столом, резко оборвалась громким смехом Толика. Все посмотрели на него, а тот, как ни в чём не бывало, встал с серьёзным видом, набрал в лёгкие воздуха, так, что грудь выпятилась колесом, и громко произнёс голосом Левитана:

– Уважаемые студенты! Вами уже сейчас убрана одна тысяча тонн картофеля, что на одну тысячу тонн больше, чем на самом деле.

Ребята переглянулись. Некоторые начали тихо хихикать. Постепенно столовая наполнилась громким смехом, и анекдоты посыпались без остановки. Обед перерос в посиделки с рассказами о картошке:

«– Рядовой Иванов! Я приказываю вам начистить ведро картошки.

– В наш космический век пора иметь машину по очистке картошки, – проворчал Иванов.

– Конечно. И ты, Иванов, представляешь её последнюю модель, – ответил прапорщик», – продолжал веселить всех Толик.

Деревенская молодёжь подходила к обновлённому коровнику. К тем, которые ушли от клуба, по дороге присоединились и ещё ребята. И почти весь старший класс уже оказался в сборе. Девушки чуть впереди, цепочкой, держась под руки, а следом – юноши. Те, что считали себя вправе ухаживать шли сразу за подружками, и как всегда, отвергнутые ухажёры плелись, немного отстав от всех.

Смех, разносившийся по всему общежитию, долетел и до дороги.

– Чёго это они там ржут? – спросил один из парней. Девушки остановились в нерешительности. Федька, как самый старший, вышел вперёд и спокойно пробасил:

– Чё, испужались? Ну, ржут. Весело, видать, тама у них. И мы пойдём посмеёмси.

– А, может, они над нами? – осторожно спросила одна из девушек и, обернувшись, быстро метнулась к тому, кто числился в женихах. Взяла под руку, прижавшись, словно ища защиты.

– Чёго над нами-то? – вновь заговорил Фёдор. – Просто гогочуть. Да чё вы пуганые такие? Пошли.

Притянув за руку к себе Наташу и крепко держа её, Фёдор большими шагами, быстро направился в сторону общежития. Девушка, не в силах вырваться, часто засеменяла, иногда переходя на мелкий бег. Ребята, подхватив под руки своих подружек, поспешили за Фёдором и Наташей. Не отстали и остальные парни.

Сёстры Митрофановы, не обращая внимания на весёлость студентов, убрали посуду со стола и накрывали к чаю. Студенты, словно не замечали, как хлопочут старушки, продолжая шумно разговаривать и смеяться. Сытые желудки уже не урчали от голода, и шутки о том, что им предстояло делать в ближайшие две недели, сыпались со всех сторон. Дверь, ведущая в спальню для девушек, скрипнула, впуская в столовую сначала Фёдора, за ним Наталью, а следом и всех местных ребят, пришедших в гости.

– Зда-а-ась-ти вам! – низко кивая, громко сказал Фёдор сидевшим за столом студентам. Те, повернувшись, с удивлением и интересом стали рассматривать деревенских гостей. За Фёдором, и другие ребята начали приветствовать студентов. Кто-то, молча, лишь кивая, а кто-то, также на растяжку повторял: «Зра-а-ась-ти».

– Местные пожаловали, – наклонившись к соседу, тихо произнёс Толик. На правах старожилы он встал и громко ответил, изобразив поклон: – И вам наше, с кисточкой!

Послышались тихие, сдерживаемые смешки студенток.

– Ой, ребятки пожаловали! – засуетились старушки. – Садитиси, садитиси, мы как раз чаёвничать собирамси, – сказала тётка Прасковья. Сёстры стали подталкивать молодых людей к столу.

– Потеснитиси, давайте сдвигайтиси, – помахивая руками на студентов, говорила то тётка Авдотья, то её сестра.

Усаживаясь, молодёжь попутно знакомилась. Парни крепко пожимали руки друг другу, не забывая называть имена: свои и девушек, пришедших или сидящих рядом. К тому моменту, как все расселись, уже никто и не помнил, кого и как звать, но это не очень мешало парням. А девушки-студентки и не собирались запоминать имена деревенских ребят. Местные же барышни скромно прижимались к юношам, с которыми пришли, как бы давая понять – они заняты.

Старушки Митрофановы продолжали хлопотать у стола, а парни уже решили, что пора идти на танцы. И вновь началось движение за столом. Так и не попив чая, все дружно (намного быстрее, чем усаживались), покинули столовую, и вышли на улицу.

Наташа поймала на себе взгляд явно не студента. «Преподаватель», – подумала она, подняв глаза на внимательно смотревшего мужчину. Мурашки, пробежавшие по спине, заставили вздрогнуть. Красивые карие глаза совсем не по-детски разглядывали её. Лёгкая улыбка, чуть коснувшаяся губ мужчины, манила к себе. Наташа никогда не испытывала такого стеснения. И в то же время ей стало приятно, что он глядит именно на неё. Не в силах отвести взгляд, она смотрела на мужчину, чувствуя, что краснеет. Его взгляд будто проникал внутрь, сжимая грудь, не давая сделать глубокий вдох. Фёдор разговаривал со студентами и не заметил, что Наталья резко изменилась. В какой-то момент он встал перед ней, перекрыв собой горячую волну, исходящую от глаз преподавателя. Наташа, опомнившись, выдохнула и посмотрела на окружающих в надежде, что никто не заметил.

Разговаривая, молодёжь направилась в сторону клуба. Наташа, вцепившись в руку Фёдора, старалась не смотреть по сторонам. Но чувство, что мужчина идёт следом, не покидало её. Вся напряжённая, как струнка, девушка пыталась держаться ровно. Странное чувство

расползлось по телу. Было немного стыдно от взгляда взрослого мужчины и в то же время очень хотелось, чтобы он смотрел на неё и только на неё. Наташа не понимала, что это за чувство. Почему он, его глаза вызывают в ней такой трепет? Внутри словно кто-то проснулся. Она впервые почувствовала себя девушкой. Не той девчонкой, что нравилась многим, а именно девушкой, взрослой, на которую можно смотреть вот так, как он, этот городской, красивый мужчина.

Наташа шла, стараясь держать спину ровно, не сутулиться, не сжимать плечи, и высоко приподняв подбородок. Ступать аккуратно, чтобы не запнуться и ни дай Бог упасть. Она шла, как положено взрослой девушке, а не так, как до этого, когда они направлялись к коровнику, когда не надо было стараться понравиться, обратить на себя внимания, когда ещё не видела этого взгляда...

Дойдя до клуба, парни, местные и приезжие, уже общались без скованности, что нельзя было сказать о девушках. Студентки вели себя пренебрежительно по отношению к местным. А деревенские девушки в основном молчали, скромно, прижимаясь к тем, кого держали под руку, но и не без интереса разглядывая приезжих парней.

Остановившись у деревянного одноэтажного дома, с надписью над дверями: «Берёзовский дом культуры», молодые люди решили ещё разок перекурить, а девушки направились внутрь. Наташа, отпустив руку Федора, резко обернулась. Она надеялась вновь увидеть тот взгляд, что проникнул внутрь и не собирался покидать, продолжая будоражить её. Но мужчины рядом не оказалось. Она с удивлением и каким-то странным испугом, что больше не увидит его, стала осматриваться. Мысль о том, что он не пошёл с ними, а остался в общежитии, обожгла изнутри грудь. Получается, она зря старалась так красиво идти? Зря надеялась, что он обратил на неё внимание? Щёки вспыхнули от мыслей. Опустив голову, девушка побежала в клуб, столкнувшись в дверях с тем, кого так хотела увидеть.

– Ой! – вскрикнула она, запнувшись и падая на руки мужчине.

– Осторожно. Такие красивые ножки нужно беречь, – бархатным тенором произнёс он. От этого тембра у Наташи закружилась голова, и жар, поднимаясь из груди, ещё сильнее окрасил щёки. Мужчина будто и не заметил этого. Он пропустил девушку вперёд и зашёл следом.

Наташа, уставившись в пол, быстро пробежала зал. Встала у стены рядом с подружками, спрятавшись за их спины. Те обсуждали студентов, но она ничего не слышала, только его голос в ушах, его взгляд, его руки... Лицо, шея, уши – горели не переставая. Никто вроде и не обращал внимания на неё. Да и неяркое освещение скрывало смущение. Девчонки усердно обсуждали, как бы «замутить» с тем или иным студентом, а Наташа всё слышала голос преподавателя. Никогда ничего подобного она не испытывала. И сейчас, стоя, прижавшись к стене, она ещё не до конца осознавала, что с ней происходит. Сердечко бешено колотилось. Ужасно хотелось вновь оказаться рядом с ним. Только непонятный страх, перемешанный со стыдливостью, сдерживал её. Наташа боялась оторвать взгляд от пола и поискать этого красивого мужчину.

Александр не собирался упускать из виду девушку, так ярко среагировавшую на него. Ему оставалось лишь понять, что за парень всё время крутится возле неё. И как его нейтрализовать, не наведя на себя подозрения. Как приступить к соблазнению, чтобы девушка приняла ухаживания за истинное чувство и не испортила всё в самый нужный момент.

Одна из студенток – эффектная, высокая брюнетка, с короткой стрижкой и лицом, напоминающим заграничную артистку, подошла к преподавателю. Встала рядом, прислонившись спиной к стене, и, отвернувшись от него, тихо спросила:

– Что, Сашенька, новую жертву себе присмотрел?

Тот, продолжая наблюдать за танцующими парами, и не упуская из виду Наташу, также тихо с улыбкой на лице ответил:

– Ревнуешь, Оксан?

– Нет, – с брезгливостью взглянула она на мужчину и вновь отвернулась. – У неё защитник есть. Да и это тебе не студенток по углам обжимать за зачёты. Тут, говорят, и убить могут.

– А ты помоги.

– Ха! И чего это я должна тебе помогать?

– Вроде тебе стипендию хочется? Да и Ирка что-то с меня глаз не сводит.

– Прекрати! – метнула острый взгляд тёмно-зелёных глаз Оксана. – Хватит тебе и меня.

– О-о-о, какая страсть. Такая ты мне ещё больше нравишься. Но, сама понимаешь, я всё-таки мужчина и мне иногда хочется разнообразия. Ты подумай. А я бы и Ирке помогал. А то, сколько ты за свои услуги-то с бедных студентов берёшь? А так и я бы за Ирку накинул...

– Замолчи! – повернувшись к преподавателю, зашипела Оксана. Искры ненависти так и летели в преподавателя. Немного переведя дыхание и успокоившись, девушка вновь отвернулась, но продолжила говорить, цедя слова сквозь зубы:

– Ты же знаешь, что я ни с кем. Только ты...

– Неужели? А мне вот показалось, что ты последнее время меня избегать стала... Думал, нашла замену, – он схватил её за руку, крепко сжав, и попытался повернуть к себе. Оксана резко дёрнулась, надеясь вырваться. Но у Александра хватка была, что у бульдога. Не оборачиваясь, Оксана процедила:

– Я не избегаю. Вот она я – тут.

– Тут? А уже пора бы и там, – он кивнул в сторону выхода. – Но на сегодня у меня другие планы.

– Вижу. Вот и воплощай их.

– А ты поможешь?

– Ещё чего?!

– Нет? Так что, мне, забыть о ней? Тогда зови Ирку и пошли.

– Ирку не трогай!

– Да кто её трогает? Сама липнет, как кошка. Видно, не в тебя пошла. Ну, так что, поможешь? – спросил Александр чуть громче, чем говорил до этого.

Оксана, сморщившись, не ответила. С трудом высвободившись от цепкой руки преподавателя, быстро перешла к другой стене. Но, постояв там недолго, выбежала из клуба.

Александр продолжал наблюдать за Наташей, выглядывающей из-за широкой спины своего партнёра. Девушка явно старалась кого-то найти глазами. Не было сомнения, что она ищет именно его – Александра.

«Да... – улыбаясь и не отводя взгляда от Наташи, размышлял он. – Как же ты, малышка, задрожала-то вся... А тельце-то... – он цокнул языком, – ...нежное, сочное... Сразу видно, что ещё маленькая. Это хорошо... И то хорошо, что не дурнушка. Приодеть – так глаз от тебя не оторвать будет. Ничего не скажешь, хороша девочка...»

Его мысли находились уже не в душном помещении, где под звуки старого магнитофона парочки, прижимаясь, друг к другу, топтались на месте, исполняя танго по-деревенски. Мысли неслись вперёд, представляя, как всё может хорошо сложиться после этого культурного отдыха для молодёжи. «Жаль, что в общежитии обосновались старухи, – скривился он, вспомнив сестёр Митрофановых. – Видать бабки-то ещё те, но хоть не холодно. Осень в этом году не подвела. Да и лесок удачно там расположился... Главное, чтобы этот долговязый отлип от неё». Александр уже просверлил взглядом спину Фёдора, но тот ничего не подозревая, танцевал, обнимая Наташу.

Александр не стал дожидаться окончания веселья и пошёл к выходу. Выйдя на улицу он, с удовольствием глотая свежий воздух, после душного клуба, искал глазами Оксану. Девушка оказалась неподалёку. Она курила, стоя, прижавшись спиной к старой искривлённой берёзе, и смотрела в противоположную сторону от Александра. Усмехнувшись, он направился

к ней. Приблизившись, замедлил шаг, стараясь подобраться бесшумно. Оксана стояла задумавшись. В одной руке она держала сигарету, а другой – обнимала себя за талию, словно хотела согреться. Видимо, мысли, что роились в её голове, вызывали озноб.

Александр, тихо подойдя к ней со спины, расправил руки, будто хотел обнять берёзу, но словно передумав, резко ткнул девушку пальцами в бока.

– Ой! – отпрыгнув, взвизгнула Оксана, роняя сигарету.

Александр громко рассмеялся и, обняв дерево, поглядывая из-за него на девушку, спросил:

– Что, испугалась?

– Нет, – посмотрев на него с пренебрежением, ответила Оксана.

– Что-то ты неласковая совсем стала. Наверно, и, правда, ревнуешь? – он рассмеялся. – Ну, да ладно, не переживай. Всё равно лучше тебя никого нет. А все остальные, это так, чтобы форму не потерять, – смеясь, он сложил губы в поцелуе и подмигнул. – Пойду-ка я пока костерок разведу, а ты уж постарайся... – он вновь рассмеялся, а затем, резко став серьёзным, добавил, сменив шуточный тон на приказной: – Одним словом, ты поняла! И не серди меня!

Отлипнув от дерева, Александр направился в сторону общежития, оставив Оксану в одиночестве выпускать пар.

Танцы продолжались. Ребята выбегали на улицу, кто-то покурить, кто-то просто подышать. Иногда и девушки-студентки выходили. Оксана стояла у берёзы и, задумавшись, крутила в пальцах сигарету, внимательно наблюдая за входом. По её щекам текли слёзы. Мысли возвращали в то время, когда она, будучи абитуриенткой, не смогла устоять, а потом... потом лишь унижение и угрозы. Со стороны казалось, что такой красивой девушке обязательно улыбнётся удача, но в итоге жизнь совсем не была к ней добра.

– Да кто она такая?! Что мне до неё?! – резко выкрикнула Оксана. И, не обращая внимания, что на её вопли обернулось несколько человек, проходивших мимо или стоявших неподвижно, отбросила в сторону сигарету, так и не прикурив. Глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Собравшись окончательно с мыслями, твёрдой походкой направилась к входу. Навстречу ей выбежала одна из студенток. Обрадовавшись, что встретила она Оксану, затараторила:

– Вот ты где?! А я уже обыскала тебя везде. И никто не знает, где ты. Думала ты...

– Я курила, – резко оборвала её Оксана, и, не останавливаясь, вошла в клуб. Студентка забежала следом, продолжая быстро спрашивать:

– А ты Санька не видела? Он тоже куда-то пропал. Я думала, ты с ним. А ты тут. А он где?

– Ирка! Отстань! Не до тебя сейчас! – отрывисто и резко ответила ей Оксана и направилась к местным барышням, стоявшим обособлено ото всех.

Ирина, надув щёки, что-то хотела выкрикнуть вдогонку, но, передумав, побежала за Оксаной.

Музыка ненадолго стихла и девушки, обмахиваясь косынками, делились друг с другом впечатлениями. Многие уже успели потанцевать и со студентами.

– Ну что, девчонки?! – громко и с каким-то вызовом, подходя к ним, заговорила Оксана. – Может, хватит тут в духоте скакать?! Пошли на воздух.

Девушки напряглись. Воинственный вид студентки и, естественно, первое ощущение – она решила устроить разборки. Заметив взволнованные взгляды, Оксана, улыбнувшись, продолжила уже чуть мягче, добавив и лёгкую улыбку:

– Ну... надо же нам познакомиться. Александр Иванович... – она взглянула на Наташу. Девушка, услышав имя мужчины, вздрогнула и отвела в сторону взгляд. Оксана внутренне улыбнулась такой её реакции и продолжила:

– ...пошёл костёр разводить. Посидим, песни попоём... – студентка широко улыбнулась, обведя взглядом стоявших вокруг неё девушек. Студенты, заметив, что Оксана разговаривает с местными барышнями тоже направились к ним.

– Ну что, идём? – улыбаясь, она покрутилась, оглядывая всех. – Завтра вместе работать начинаем, надо же нам познакомиться. Да и отметить нужно, – и, подмигнув, взглянула на подошедших парней: – Мы же не с пустыми руками приехали?

Те закивали, подтверждая, что найдётся под гитару и не только песня.

– Так что, собираемся и идём?! – радостно провозгласил Толик, пробиваясь в центр круга, пританцовывая под уже зазвучавшую музыку.

– Конечно, идём, – ответил Фёдор, оказавшийся за спиной у Наташи. Она не заметила, как он появился и, обернувшись, с удивлением посмотрела ему в глаза.

Все стали переговариваться, забыв о недавней ещё скованности.

– Я не пойду, – тихо сказала Наташа Фёдору.

– Да рано ешшо. Пойдём, – с мольбой в глазах попросил он.

– Конечно, рано. Время-то детское, – Оксана потянула Наташу за руку, делая вид, что не замечает её удивление и нежелание идти.

Фёдор, обняв Наталью, не слушая её возражений, поспешил со всеми к выходу. На улице к ним подбежал Иван, младший Наташин брат.

– А вы куда?

– Не твоё дело, – ответила Оксана. – Тебе ещё рановато, красавчик, – и ткнула мальчика пальцем в нос. – Подрасти немного.

Иван оттолкнул руку девушки и хотел что-то сказать, но Наташа остановила его:

– Иди домой.

– А ты? – с обидой посмотрел брат.

– И я скоро приду. Мишка где?

– Не знаю, – пожал плечами мальчик и так же быстро исчез, как и появился.

– Это мой брат, – посмотрев на Оксану, сказала Наташа.

Увлекаемые ребятами, они пошли по направлению к коровнику-общежитию. Все, уже перезнакомившись, дружно обсуждали предстоящее веселье.

– Понятно, – оценивающе посмотрела Оксана на Наташу. И после небольшой паузы громко добавила, стараясь перекрыть гул голосов разговаривающих ребят. – То-то я смотрю – красавчик. На тебя немного похож.

Александр обошёл вокруг бывшего коровника и, выбрав на его взгляд, самое удобное место для костра, принялся за работу. Было понятно – делал он это не впервые. Но перед тем как приступить, ему долго пришлось успокаивать сестёр Митрофановых. Уговаривал, объяснял, уверял, приводил много положительных доводов в том, что посиделки у костра только сблизят ребят, но старушки казались непреклонны. Пообещал Александр и то, что больше всего волновало их – никакого пожара не случится. Вдобавок поклялся, что к первым петухам все уже будут досматривать третьи сны. И, хотя сёстры продолжали ворчать, и как привязанные ходить за Александром, это не мешало ему воплощать задуманное.

Пристально наблюдая за каждым движением кандидата наук, постоянно перешёптываясь, то кивая, то покачивая головами, Митрофановы всё же сдались. Хотя Александра мало волновало их согласие, но он с облегчением вздохнул (не драться же ему с ними), когда старушки, окончательно убедившись, что тот знает своё дело, успокоились и ушли в общежитие. Ведь сопротивлялись больше для порядка. Как-никак поставлены председателем и должны

нести перед ним ответ за всё, что происходит. Замесив тесто, чтобы с утра побаловать студентов свежими шаньгами, старушки, привыкшие рано вставать, легли спать.

Александр сложил в квадрат брёвна, так и оставшиеся после ремонта лежать возле коровника. По центру соорудил пирамидку из небольших досок тоже брошенных строителями, дополнив несколькими поленьями, ветками и берёзовой корой. Оставалось лишь разжечь костёр. Тут же у одного бревна, превращённого в лавку, находилась и его гитара. Присев, Александр взял инструмент и в ожидании студентов стал играть, надеясь, что и местные парни и девочки пожалуют, а особенно одна из них.

Приближаясь, ребята услышали, как играет кандидат наук.

– Вот подлец! Ведь играет, как Бог! – с восторгом произнесла Оксана. И тихо добавила, чтобы услышала только шедшая рядом с ней девушка: – Ирка, ты смотри, сегодня от меня ни на шаг.

– Почему ты его так не любишь? – также тихо поинтересовалась та.

– Не люблю?! Да я его ненавижу! Если бы не ты... – она тяжело вздохнула и оглянулась на Наташу. Та, держа под руку Фёдора, шла, не слушая разговоров ребят. Её внимания поглотила мелодия, что покрывая расстояния, летела к ним. Потеряв в клубе из виду Александра, сейчас Наташа с волнением слушала игру на гитаре. В деревне не было никого, кто бы так играл, да и гитары появлялись лишь с приездом городских гостей. И сейчас сердечко подсказывало, что между преподавателем и этой игрой есть связь. Заметив, что Оксана смотрит на неё, немного смутилась, но взгляда не отвела. Студентка, улыбнувшись, кивая в сторону общепита, крикнула:

– Соглядатай наш играет.

– Соглядатай? – удивилась Наташа, поняв, что Оксана обращается именно к ней.

– Ага. Председатель ваш так его назвал. Это наш препод. Да ты его видела, – подмигнула она. – Вот он и будет за нами следить. Потому и соглядатай. Слышишь, играет? А знаешь, как он поёт?

Наташа на такой вопрос лишь пожала плечами.

– Ничего, узнаешь ещё, – странно улыбнулась Оксана, окинув Наташу оценивающим взглядом. От этого у девушки по спине пробежали мурашки, заставив крепче прижаться к руке Фёдора.

Заметив приближающихся ребят, Александр, присев к пирамидке, разжёл берёзовую кору и отправил её в самый центр понизу.

– О, смотрите! – закричал Фёдор, указывая рукой на быстро разгорающийся костёр.

– Санёк, как всегда на высоте, – ответил ему Толик.

– Санёк? – удивился Фёдор.

– Ну да. Санёк, Сашок. Препод наш. Но это только за глаза. Не вздумай ему так в лицо сказать. Только по имени-отчеству.

– Понятно, – ответил Фёдор. – Вроде нормальный мужик?

– Мировой! – ответил Толик, подняв большой палец. – В походы с ним клёво ходить. Вообще, здорово, что он с нами поехал. Скучать точно не будем. Да и контроля по ночам никакого, – он рассмеялся, взглянув на Оксану. Подмигнув ей, и, вновь посмотрев на Фёдора, продолжил: – А то хотели Аглаю Петровну послать. Вот стервозная тётка. С той бы точно в девять вечера отбой. Сидела бы с «божьими одуванчиками», лясы точила. Старая дева. От неё не сбежишь.

– А куда ты сбегать-то собрался? – спросила одна из студенток, идущих следом, и сильно ущипнула Толика за руку. Тот, взвизгнув, подпрыгнул от боли.

– Куда, куда? Да не к тебе, конечно! – с раздражением огрызнулся он, потирая больное место. И бросив злой взгляд на смеющихся девушек, состроил им рожу, показав язык, а потом ехидно добавил: – Да и не к вам!..

Его речь прервал сильно качающийся Егор, неожиданно вынырнувший из-за кустов шиповника на дорогу.

– Вот вы где?! А я вас обыскалси! – радостно закричал тот, раскинув руки для объятий. Молодёжь резко отшатнулась от появившегося нетрезвого мужчины. Некоторые девушки от неожиданности завизжали, отскакивая в разные стороны.

Одутловатое лицо с заплывшими глазами покрытыми белым налётом, волосы, давно немые и нечесанные и торчащие в разные стороны, с запутавшимися в них мелкими корешками, одежда, вся в пожелтевших листьях – это всё явно указывало на то, что Егор только что проснулся. Видимо, как раз и отдыхал под теми самыми кустами, откуда и появился. Но, несмотря на небольшую передышку в виде сна, Егор всё так же, как и при встрече с Павлом, нетвёрдо держался на ногах. Его карман, ещё недавно служивший местом для хранения выпивки – опустел, о чём мужчина сильно пожалел в следующую секунду. Помня, что там должна находится чекушка он, поискал её и не найдя, развёл руки в стороны, глупо улыбаясь. Потом сжав плечи и, странно хихикая, мелко перебирая ногами, поспешил пристроиться в один ряд к парням.

– А я к вам шёл, шёл, да, что-то заплутал... Примете?

Ребята стали обходить его с двух сторон. Только Толик, остановившись, сильно хлопнул по плечу старого знакомого и тут же подхватил под руки. Егор с трудом удержался на ногах.

– Примем. Всё равно же не отстанешь, – смеясь, ответил парень.

– О, привет! – узнав его, обрадовался Егор. – Ты тоже приехал?

– Приехал. А ты, видать, совсем не меняешься?

– А у тебя есть... ето... – он сделал замысловатое движение пальцами, то ли пытаясь щёлкнуть ими, то ли изобразить сосуд для жидкости. – Выпить есть?

– Есть, – ответил Толик, вновь хлопнув Егора по плечу, но на этот раз не так сильно. – Пошли, не дадим тебе умереть от жажды.

– Хороший ты человек, – обрадовавшись, Егор попытался поцеловать парня, но тот ловко увернулся. – А... ето... – не замечая уловки Толика, продолжил мужчина, – ...ето... ну... як её?.. Забыл... – продолжая выкручивать пальцами «кренделя» Егор, что-то усиленно пытался вспомнить.

– Что ещё? Пошли, – потянул его Толик.

– Не, – сильно потрянул головой Егор и, переступая с ноги на ногу, постарался удержать равновесие, хватаясь за руки парня. – погоди... Як её?.. – он потёр лоб. – Ну, ты её знаешь... Не приехала?

– Ты про Катьку, что ли?

– О! – Егор сильно ударил себя по голове кулаком. – Точно! Вот башка дурная, – на этот раз хлопнул себя по лбу раскрытой ладонью. – Катька! Точно! Забыл. Ну, конечно, Катька. Приехала?

– Не. Не повезло тебе. Её из института турнули.

– Тур... тур... – Егор, зажмурившись, потряс головой. – Чёго?

– Исключили.

– Як ето?! – он даже немного протрезвел. – За чё?

– За аморалку.

– За чё?! – стараясь смотреть в глаза парню, повторил мужчина.

– За несоответствующее поведение советской девушки. Сначала из комсомола, а потом и из института.

– Не понял. Таку девчонку и...

– Ну, не угодила, – развёл Толик руками, покачивая головой.

– Кому?

– Потом расскажу, – и, взглянув на удаляющихся ребят, добавил: – Пошли. А то без нас всё выпьют.

– Без нас?! Нет. Не пойдёт, – погрозил он кому-то пальцем.

Толик взял под руку Егора и быстро зашагал к общежитию. Тот, засеменя следом, постоянно спотыкаясь и не падая только благодаря студенту. Егор никак не мог успокоиться и всё возмущался по поводу отчисления так понравившейся ему прошлой осенью Катьки.

Ребята быстро рассаживались на брёвна. Некоторые студенты, сбегав в общежитие, принесли позвякивающие пакеты. Без труда можно было догадаться об их содержимом.

Павел с Наташей сели как раз напротив Александра, продолжающего играть. Он словно и не замечал появившихся вокруг ребят, уделяя внимание лишь гитаре. Фёдор что-то сказал Наташе на ухо и отошёл. Но она не расслышала слов. Затаив дыхание, девушка не сводила глаз с Александра.

Фёдор, по зову одного из студентов, направился к группе ребят, собравшихся в сторонке от костра. От Александра не ускользнуло, что долговязый оставил в одиночестве предмет его интереса. Он встал, продолжая играть и медленно обходя костёр, словно ненароком, приблизился к Наташе. Немного постоял рядом, а потом сел. Заглянул в глаза, застывшей от неожиданности девушке и тихо спросил:

– Что спеть для тебя, красавица?

Часто задышав, Наташа испугалась, что кто-то может заметить её запыхавшие щёки. Вечер, костёр – всё могло быть списано на это, но девушка не могла сейчас хорошо воспринимать окружающее. Сердце готовое выпрыгнуть, стучало так громко, что отдавалось в ушах. Наташа смотрела в глаза Александру и не могла ответить ни слова.

Улыбнувшись, он отвёл от неё взгляд и запел новую песню, недавно привезённую им с бардовского слёта:

*Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены.
Тих и печален ручей у янтарной сосны.
Пеплом несмелым подёрнулись угли костра.
Вот и окончено всё, расставаться пора.*

Повернувшись вновь к Наташе, он посмотрел ей в глаза и с улыбкой продолжал:

*Милая моя, солнышко лесное,
Где, в каких краях встретишься со мною?
Милая моя, солнышко лесное,
Где, в каких краях встретишься со мною?*

Подхватили ребята, понравившиеся слова куплета и придвинулись ближе к Александру и Наташе с двух сторон.

Новый куплет преподаватель пел один. Студенты покачивались в такт песни.

*Крылья сложили палатки – их кончен полёт,
Крылья расправил искатель разлук – самолёт.
И потихонечку пятится трап от крыла...
Вот уж, действительно, пропасть меж нами легла.*

*Милая моя, солнышко лесное,
Где, в каких краях встретишься со мною? – вновь хор голосов
разнёсся над костром.*

Наташа от слов куплета и глаз Александра, начинала дрожать. Хоть и понимала, что не для неё написаны слова, но с каждым «Милая моя» у неё будто останавливалось сердце, а потом с удвоенной силой начинало биться. Эти слова, шедшие из уст Александра, предназначались именно ей и, понимая это, она ещё больше волновалась. Да ещё и ребята, любители петь под гитару, старающиеся сесть ближе, раскачивались и всё сильнее прижимали Наташу к Александру.

Песня закончилась и, не прерываясь, он запел новую:

*А всё кончается, кончается, кончается!
Едва качаются перрон и фонари,
Глаза прощаются, надолго изучаются —
И так всё ясно, слов не говори...*

Продолжая петь, мужчина обернулся и поискал глазами Наташиного спутника. Компания ребят, в которой находился и Фёдор, уже опустошили пару бутылок портвейна. Взбодрённые алкоголем парни бурно что-то обсуждали, периодически взрываясь громким смехом.

Александр взглянул с улыбкой на Наташу и перевёл взгляд на сидевшую напротив Оксану. Та внимательно следила за ним. Поняв его взгляд, встала и под звуки очередного куплета направилась к группе веселящихся ребят.

*Мы будем гнутья, но, наверно, не заглёмся, —
Не заржавеют в ножнах скрытые клинки!
И мы когда-нибудь куда-нибудь вернёмся
И станем снова с вами просто мужики!..*

Толик ловко открыл очередную бутылку и предложил Фёдору. Тот, понимая, что, если продолжить, то уж точно скрыть от отца не получится, решил отказаться и отойти. Но Оксана, подошедшая вовремя, подхватила Фёдора под руку и, заглянув в глаза, спросила, придав голосу бархатные нотки:

– Тебя, кажется, Фёдором звать?

– Ага, – пробурчал юноша, стараясь отклониться от неё, так рьяно решившей проявить к нему интерес.

– А чем ты занимаешься? – не собираясь сдаваться, прильнула к нему Оксана. У Фёдора сильно засосало под ложечкой. До этого ни одна девушка так не липла к нему. Странное чувство пробежало по животу. Словно испугавшись, Фёдор обернулся и поискал глазами Наташу. Оксана плавно провела рукой по его лицу, поворачивая к себе.

– Так чем же ты занимаешься?

– Я... ето... Я учусь, – заикаясь от волнения, ответил парень. Алкоголь и взгляд девушки странно будоражили внутренности. Фёдору показалось, что его желудок резко подпрыгнул, потом свалился куда-то вниз. Такое внимание от столь привлекательной особы оказалось в новинку. Но всё же разум решил сопротивляться. «Чё лезешь? У меня Натаха есть», – подумал Фёдор. Оксана, будто читая его мысли, вновь задала вопрос, стараясь не давать думать о той, что с открытым ртом и задыхаясь от волнения, слушала сейчас пение Александра.

– Учишься?.. Где? – она провела рукой по груди Фёдора. Потом сильно прижалась к нему и, прикрыв глаза, потянулась к лицу. Парень и без того высокого роста, напрягаясь всё больше и в разных местах, стал словно выше. Оксана открыла глаза и, обнимая его, продолжала гладить по спине, опуская руку к ягодицам.

«Отстань!» – хотел крикнуть Фёдор, но вместо этого тихо ответил:

– Ага... В школе.

– В школе? – томным голосом удивляясь, переспросила Оксана. – А я думала, ты уже большо-о-ой, – странно улыбнулась она, произнеся нараспев последнее слово.

– Я... его... Мне восемнадцать, – начал часто дышать парень, испытывая что-то новое. Он очень хотел вернуться к Наташе, но странные ощущения словно сдерживали его.

– Восемнадцать? А я думала, не меньше двадцати. Ты такой мужественный... – Оксана уже без стеснения обнимала парня, глядя одной рукой по спине, а второй проникая через ворот рубашки к груди. Студентка, сильно прижимаясь всем телом, чувствовала, что Фёдор отзывается на её позыв.

Кровь стучала в висках юноши, но, всё же, Наташа стояла перед глазами. Он стал неумело освобождаться от объятий Оксаны. Поняв, что упускает его, та вырвала из рук Толика бутылку и, быстро сделав несколько глотков, протянула Фёдору:

– На брудершафт.

– Чёго? – не понял парень.

– Чёго?! – громко рассмеялась Оксана, сильно запрокинув голову. – Ой, я не могу. Ты так смешно говоришь!

Фёдор, не зная как реагировать на её смех, схватил бутылку и сделал глоток.

– Ещё, – прошептала Оксана.

Глядя с испугом, он сделал второй глоток.

– А теперь поцелуй, – приподнявшись на носочки, девушка потянулась к губам парня.

– Чё?!

Оксана вновь рассмеялась:

– На брудершафт же! Положено так.

– Давай, не тушуйся, – подтолкнул его под локоть Толик. – Целуй её.

Не дожидаясь пока парень одумается, Оксана потянула руками голову Фёдора к себе и поцеловала. Он с силой оттолкнул её в сторону и стал вытирать губы, стараясь удалить всё ещё горевший на них поцелуй.

– И меня, и меня, – полез обниматься к Оксане Егор.

– Да пошёл ты! – студентка отмахнулась от него, сильно толкнув в грудь. Егор, не удержавшись, упал. Оксана, сделав вид, что тоже оступилась, подогнув коленки, навалилась на Фёдора. – Ой, я споткнулась, – засмеялась она, крепко вцепившись в его руки. – Ну что ты так испугался? Ничего же не случилось. Это просто дружеский поцелуй, – говорила Оксана, лукаво глядя в глаза Фёдору.

Толик, под громкий смех ребят, поднял упавшего Егора и помог ему добраться до бревна у костра.

– Посиди тут, я сейчас ещё принесу, – сказав это, он побежал в общежитие.

Фёдор тоже направился к костру, но Оксана не собиралась сдаваться. Она повисла на его руке и, дойдя до того места, где притулился Егор, потянула и Фёдора присесть на бревно. Тот поискал глазами Наташу, но, не заметив, сел рядом с Егором.

– Хороший ты парень, Федька, – сказал Егор, уставившись в глаза парню. – Выпить есть?

– Сейчас Толик принесёт, – ответила Оксана, продолжая удерживать Фёдора. Он вновь посмотрел на группу ребят, сидящих возле преподавателя, выискивая Наташу.

– Да ушла она, – улыбаясь, сказала Оксана. – Какой-то малой прибежал, она и ушла с ним.

– Мишка? – оживился Фёдор.

– Не знаю, – пожалала плечами Оксана. – Может, и Мишка.
– Тогда и я пойду, – Фёдор хотел встать, но Оксана сильно потянула за руку, не пуская его.
– Да посиди ешшо, – повис на Фёдоре и Егор, с другой стороны.
– Я уже тут! – прокричал Толик, подбегая к ним и пытаясь сесть между Фёдором и Егором, от этого последний повалился набок. Но студент ловко его подхватил и, удерживая, всё же сел, протиснувшись между ними. – Во! – показал Толик бутылку. Быстро открыл, отпил немного и подал Фёдору. Егор протянул руку и замер в ожидании.

– Не, я больше не буду, – покачал головой Фёдор, отталкивая от себя предложенное вино. – Батя прибьёт.

– Да что ты, как пацан?! Пей! – возмутился Толик. – Чего тут пить-то?

– Конечно, ты ведь уже взрослый, – Оксана вновь погладила Фёдора по груди и сильно прижалась к нему. Стараясь не думать о ней, Фёдор схватил бутылку и сделал несколько глотков. Девушка, смеясь, забрала у него портвейн, чуть приложила к горлышку и передала Егору, всё державшему руку на изготовке. Тот с жадностью начал опустошать тару, но Толик вовремя успел остановить:

– Э, э, ты не один тут. Это последняя, – студент отобрал бутылку с остатками вина.

Вытерев рукавом нос, Егор вдруг засобирился домой. Слово «последняя» оказалось тем рычагом, что заставило Егора вспомнить и о доме.

– Ну, всё... пойду я, – попытался он встать, но тут же упал на землю. Рассмеявшись, Толик стал помогать ему, вновь вскарабкаться на бревно.

– Я тоже пойду, – вставая, Фёдор помог соседу. – Дядя Егор, пошли, провожу тебя.

– Пошли, – соглашаясь с юношей, вновь попытался встать Егор. На этот раз, благодаря крепким рукам Фёдора, удалось обойтись без падений, Парень хотя и был выпивший, но молодость всё-таки побеждала.

– А... ето... Натку надо взять, – каким-то странным образом вспомнил Егор о соседской дочери. Оксана насторожилась и мельком взглянула на поющего Александра.

Дружный хор голосов подхватил новую песню:

*Люди идут по свету,
Им вроде не много надо.
Была бы прочна палатка,
Да был бы не скучен путь.
Но с дымом сливается песня...*

Наташа сидела рядом по другую сторону от преподавателя. И из-за него её не было видно. Понимая, что при росте Фёдора, он мог и заметить, Оксана резко встала, стараясь отвлечь внимание на себя:

– Ох, что ж совсем на ногах-то не стоишь? – обратилась она к Егору, но смотрела в глаза Фёдору.

– Ничёго, я его доведу, – ответил тот.

– Натаху зови, – покачиваясь в крепких руках парня, продолжал Егор волноваться за соседскую дочку.

– Она уже ушла, – ответил Фёдор, веря в это.

– А-а-а... – протянул мужчина и сильно кивнул, ударившись подбородком себе о грудь. – И мы пойдём. Выпить нету, девок нету, – он обречённо махнул свободной рукой. – Привезли совсем мало. Не из кого выбирать.

Оксана рассмеялась:

– Да какие тебе девки-то? Еле на ногах стоишь.

– Не скажи, – погрозил он ей пальцем. – Еже ли чё, дык я о-го-го...

Девушка, смеясь, кивнула.

– А ты наших девок не обижай, – хлопнул Егор Толика по груди.

– Да кто их обижает-то?

– Вот и не обижай. У наших девок... у всех есть... – потом подумав, добавил: – У Нюрки моей нет... никого, – сделал он пальцами странный жест, словно закручивал лампочку. Потом попытался и второй рукой что-то изобразить, отчего сильно качнулся, увлекая за собой и Фёдора. Но тот, удержавшись на ногах, не дал упасть и Егору.

– Ты хороший парень, – Егор вновь хлопнул Толика по груди. – Вот школу закончит, и присылай сватов. За тебя отдам.

– О, нет, спасибо, я ещё молодой, – усмехнулся Толик, вспоминая Егорову дочь с прошлого года. Тогда мужчина, нахваливая её, всё же уговорил прийти в гости и познакомиться. Но одной встречи студенту оказалось достаточно. Больше его не тянуло встречаться с Нюркой.

– А чё? Она у меня тоже рыженькая. Как ты.

– Не, мне ещё рано, – похлопав Егора по плечу, ответил Толик.

– Ну и як хошь, – махнул тот рукой и, взглянув на Фёдора, добавил: – Пошли чё ли?

– Пошли, – кивнул юноша.

Заплетающимся ногами Егор попытался сдвинуться с места. Фёдор, крепко обняв его и не оглядываясь, повёл от костра.

*...Счастливы, кому знакомо
Щемлящее чувство дороги.
А ветер рвёт горизонты
И раздувает рассвет...*

Пел Александр, глядя в глаза Наташи.

Тот, кто мог бы увести её от этого взгляда, удалялся неровной походкой, таща за собой еле передвигающего ноги Егора.

*Пролетают гуси над Таймыром.
Пролетают гуси клином серым.
Стал для них давно родным и милым
Неуютный и суровый Север...*

Пел Александр, не сводя взгляда с больших Наташиных глаз. Ребята постепенно разбредались по территории. Кто-то продолжал уничтожать остатки привезённого портвейна, кто-то, образовав пары, стоял, спрятавшись от посторонних глаз под деревьями.

Толик, переборщивший с алкоголем, мирно спал на бревне. Рядом сидела Оксана с ещё одной студенткой – Ириной. Та всё время посматривала в сторону поющего без устали преподавателя.

– Надо же, совсем ещё малолетка, а как прилипла к нему! – с раздражением говорила Ирина. Оксана мельком взглянула в сторону и спросила:

– Хочешь на её место?

– Как тебе сказать, – усмехнувшись, пожала плечами Ирина и, повернувшись, посмотрела в глаза Оксане. – Хочу!

– Ты дура! Я тебе сколько раз говорила: даже не думай. Он ведь только поиграется, а потом...

– Ну, и что, – она вновь обернулась и посмотрела в сторону мужчины, играющего на гитаре и поющего таким голосом, что кровь останавливалась, заставляя трепетать душу. – Уж лучше он, чем какой-то... соплик...

– Чем лучше-то?

– Ты так говоришь, потому что он тебя бросил, – с ехидцей сказала та, продолжая смотреть на Александра. Оксана промолчала. Ирина обернулась и, увидев в её глазах слёзы, поняла, что сказала лишнее. – Извини, я не хотела тебя обидеть. Но ты же должна понимать. Он ведь опытный и такой... ну... одним словом, лучше с ним, чем...

– Прекрати! – брезгливо сморщившись, оборвала её Оксана. – Ты даже не понимаешь, о чём говоришь! Да я столько вытерпела, только чтобы он к тебе не лез...

– А я тебя просила об этом?

– Ты ничего не понимаешь, – с болью в голосе ответила Оксана.

– Да не строй из себя несчастную-то. Видела я, как ты к её парню приставала... – Ирина вновь обернулась и посмотрела на переставшего играть преподавателя. Он, отложив в сторону гитару, снял с себя ветровку и накинул Наташе на плечи. Обняв, прижал девушку к себе. Ирина раздражённо хмыкнула и отвернулась.

– Вот что он в ней нашёл?

Оксана мельком взглянула на Александра, обнимающего Наташу.

– Пусть развлекается.

– Пусть?! – удивляясь, посмотрела ей в глаза Ирина. – А поняла, это ты специально к этому... как его? Фёдор, – усмехнулась она. – Липла, чтобы Саньку насолить? Он с этой... – она, скривившись, взглянула на Наташу, – с косичками... а ты с её парнем.

– Да, специально. Ты угадала. Только не поэтому. В причине ошиблась.

– Неужели влюбилась? – усмехнулась Ирина. – В эту деревенщину?

Толкнув Оксану в плечо, она вновь посмотрела в сторону гитариста-соблазнителя. Смех оказался недолгим. Злясь на ту, с которой сидел Александр, Ирина стала покусывать губы. Можно было догадаться, как ей сейчас хотелось оказаться на месте этой деревенской простушки, а ещё лучше, вырвать у той все космы.

– Дура, ты, Ирка, – спокойно произнесла Оксана. – Это же он мне приказал.

Ирина резко обернулась.

– Приказал? Кто?

– Да не прикидывайся. Всё ты поняла. Да, да – он! А ты что думала, я влюбилась в этого верзилу с интеллектом третьеклассника? Да если бы я не согласилась, то он...

– Что он?

– Ничего, – Оксана встала и быстро направилась в сторону общежития, лишь мельком взглянув на Александра, умело соблазнявшего глупую девчонку почти ребёнка...

Ребята постепенно уходили от костра, но Наташа не замечала этого. Она слушала голос, от которого её маленькое неопытное сердечко трепетало. Смотрела в глаза мужчине и мурашки бежали по всему телу, проникая внутрь, вызывая незнакомые ощущения. Странная ломящая боль внизу живота заставляла тело внутренне сжиматься. Эти новые, никогда ранее не испытанные чувства приятно разливались по всему телу. И, в то же время было немного страшно.

Наташе казалось, что она готова вот так вечно сидеть рядом с этим мужчиной, слушать его голос, смотреть в его глаза. Наташа уже не думала, как выглядит. Этих мыслей просто не существовало. Лишь желание и страх. Что это за страх, Наташа не понимала, да и не пыталась понять. Её тело дрожало, готовое к чему-то новому.

*...Самолёт взлетит с аэродрома,
Облака винтом кроша на части.
А быть может, здесь, вдали от дома
В белой тундре бродит моё счастье.*

Допев, Александр отложил в сторону гитару и, дотронувшись до подбородка Наташи, внимательно посмотрел ей в глаза и прошептал:

– Моё счастье.

Она, глубоко дышала, боясь отвести от него взгляд. Дрожь по всему телу усиливалась. Ломящая боль стала подниматься, готовая вырваться наружу. Наташе ужасно захотелось, чтобы он поцеловал её – прямо сейчас, здесь и пусть все видят. Ей всё равно. Жар вырывался наружу.

– Ты замёрзла? Вся дрожишь, – с улыбкой произнёс Александр и, сняв с себя ветровку, накинул ей на плечи. Обнял и крепко прижал к себе.

Наташа даже и не думала противиться. Она прикрыла глаза и положила голову Александру на грудь. Несколько минут они сидели молча. Потом он поцеловал её в макушку и прошептал:

– Пойдём, прогуляемся.

Александр крепко прижал к себе девушку и, от нетерпения ускорив шаг, направился вглубь леса. Наташе вдруг показалось, что кто-то окликнул её. Она, встрепенувшись, остановилась и испуганным взглядом посмотрела на Александра. Начала что-то невнятное бормотать о матери, о том, что обещала отцу вернуться не очень поздно, и о Фёдоре...

С Фёдором быстро всё разрешилось – ну выпил парень, увели его домой, а вот мать... тут соблазнитель не мог возразить. Понимал, что нельзя пугать девчонку, должен проявить уважение к её родителям, а потом уж и действовать.

Александру оставалось лишь сожалеть, что не вовремя Наташа вспомнила о родных, и с неохотой сдаться. Не в его правилах было действовать насильно. Она должна сама согласиться, сама позволить, иначе это уже неудовольствие. Он любил подчинять себе, чтобы девушка считала что в первый раз сама так решила, а вот потом... потом делать уже всё, что захочет. И поэтому, сжавшись внутренне в комок, согласился проводить её до дома.

Наташа и чуть позади Александр шли по одной из трёх улиц деревни. Он умышленно сдерживал шаг, чтобы не опережать её. И, словно ненароком, постоянно касался рукой плеча Наташи, заставляя ту вздрагивать. Не на это он рассчитывал, и теперь перебирал в голове, что сделал не так, где упустил нить, связывающую их, и как всё изменить.

Александр смотрел на спину Наташи с улыбкой, смахивающей на оскал хищника, готового в любую минуту к атаке. Всё же жаль было вот так отпускать её. Возвращаться в общежитие «голодным» не очень хотелось, да и Оксанка уже точно спит. Видел, как она ушла в общежитие, когда ещё сидели у костра. Но ничего не поделать. Раз пообещал проводить, надо держать марку. Надо казаться заботливым, понимающим и, главное, влюблённым...

А ведь так всё хорошо складывалось...

Наташа не спешила. Она шла медленно, надеясь, что Александр остановит, обнимет и поцелует. Ей совсем не хотелось расставаться. Испугалась, когда вдруг совсем рядом, услышала голос матери. Теперь уже думала, что это просто показалось ей. От волнения, потому что сердце сильно билось ту минуту, да и сейчас... Совсем нет желания идти домой, а хочется прижаться к нему. Слушать его голос. Смотреть в его глаза и... пусть будет, что будет.

Мужчина шёл, осматривая фигурку девушки, изредка заглядывая ей в лицо. Так хотелось сорвать с неё это смешное деревенское платье, эти хлопчатобумажные чулки, свисающие на ногах, словно лишняя кожа, эти туфельки с детскими пряжками. Мысленно раздевая Наташу, он с трудом удержал усмешку, подумав: «А какие у неё трусики? Наверно, шаровары с начёсом до колен».

Наташа остановилась у одного из домов и, положив руку на забор, задумалась.

Александр встал за её спиной и, опуская взгляд всё ниже, продолжил: «Да какая разница, что у неё там за трусы, главное, что под ними», – мысли всё же взяли верх. Он резко развернул девушку и притянул к себе. Не дожидаясь возражений, крепко поцеловал.

До этого были лишь лёгкие прикосновения к макушке, уху, шее, вызывающие трепет. И вот первый, настоящий, взрослый поцелуй. Голова у Наташи закружилась, ноги, словно потеряли опору. Александр не собирался отпускать её. Он продолжал осыпать поцелуями лицо, шею, руки и вновь губы. Наташа дрожала, не в силах сопротивляться. Она забыла, где находится. Забыла, куда шла. Жар, так долго удерживаемый в груди, вырвался наружу. Слабый стон послышался из её уст.

«Как же теперь тебя оставить? Ведь ты готова». Александр обернулся. На улице никого не видно, да и в доме, возле которого они остановились, казалось, все вымерли. Окна закрыты ставнями, никакой собаки, лишь одиноко стоявшая на дворе старая конура недалеко от калитки. Мысли путались: «Вот бы в огород перемахнуть, не тут же, на улице...»

Девушка прижалась всем тельцем к мужчине, задыхаясь от счастья. А он, думая, что предпринять, продолжал целовать.

Вдруг опять что-то произошло. Наташа встрепенулась, как подранок и, обернувшись, стала искать глазами кого-то. Она прикрыла рукой рот, словно боясь, что её дыхание могут услышать.

– Что с тобой, солнышко моё? Что случилось?

Несколько поцелуев, и Наташа немного успокоилась.

– Кого ты испугалась? Мы тут одни. Ну, не надо, не надо, девочка моя, – он целовал и целовал, не давая ей возможность опомниться.

– Мама, – успела произнести она, но губы Александра вновь прильнули к её горячим устам. Несколько минут, и девушка стала податливой, готовой на всё, только чтобы он остался рядом.

Александр нежно погладил её по голове и, взяв, молодое лицо в свои ладони, спросил:

– Ну, что случилось? Ты успокоилась?

Наташа кивнула.

– Испугалась, что кто-то увидит? Давай отойдём за дом.

– Там никого нет. Это мамин дом, – прошептала Наташа.

– Мамин дом? – Александр кинул взгляд на заколоченные окна. «Вот почему ты тут остановилась. Умница. Ты сама меня сюда привела».

– Да, мамин... Мы за ним смотрим, – делая почти через каждое слово вдох и выдох, шептала Наташа. – Зимой протапливаем... А так никто пока тут не живёт... Братья вырастут, и, кто первый женится, тот сюда и перейдёт.

Она уже понимала, что не расстанется просто так с Александром. Тело горело и дрожало, словно в бреду. Она боялась, что он может выпустить её из рук и тогда она упадёт не в силах стоять. Ноги привели её сюда, а дальше... дальше только в дом. Но вот сказать прямо мешал стыд. Стыд и желание боролись внутри неё, заставляя тело полыхать всё сильнее.

– Ясно. От бабушки остался, – прямо в ухо прошептал Александр, не забыв нежно прихватить губами мочку.

– Нет... – Наташа прикрыла глаза и чуть качнула головой, – ...моя бабушка погибла... на фронте. А маму с её бабушкой эвакуировали сюда.

– Вот оно что. И откуда их эвакуировали? – целуя то в шею, то в ушко продолжал спрашивать Александр.

– Из Ленинграда.

– Из Ленинграда? То-то я смотрю, ты совсем непохожа на... так отличаешься от всех, – он нежно провёл рукой по щеке девушки, приподнял её лицо за подбородок и вновь крепко поцеловал. Не стоило много говорить, а то наваждение, что испытывала Наташа от прикосновений, могло и улетучиться. Александр понимал, нужно всё время подкармливать её тело желанием. Он медленно провёл рукой по шее девушки, взяв в пальцы мочку уха и осторожно поглаживая её, продолжал целовать горячие неопытные губы. Наташа вновь почувствовала, что земля уходит из-под ног. Она, боясь упасть, схватилась за рубашку Александра. Он прижал её к себе и прошептал на ушко:

– Говоришь в этом доме никого нет?

– Никого, – еле слышно прошептала она.

– Может, зайдём туда? А то прохладно, боюсь, ты замёрзнешь.

– Да... нет... – попыталась она что-то сказать, всё ещё борясь со стыдом, но вновь его губы обхватили её ротик. Язык мужчины, как змея проползл внутрь, дотрагиваясь до зубов и, найдя язычок, заставил задрожать Наташу ещё сильнее.

Выпустив на секунду её губы, Александр толкнул калитку. Та чуть скрипнула и широко распахнулась, приглашая зайти во двор. Недолго думая, Александр подхватил Наташу на руки, бросил беглый взгляд на дорогу, и быстро пробежал несколько метров, отделяющих калитку от крыльца.

– Ключ над дверью, – прошептала Наталья.

«Умница», – подумал он, но всё же боясь, что состояние, в каком она пребывает, может раствориться, продолжал держать её на руках, упершись ногой в дверь. Быстро нашёл ключ и постарался вставить в замочную скважину. Но, передумав, стал вновь целовать Наташу.

В голове поплыло ещё сильнее, туман закрыл мысли, и Наташа уже не слышала, как он открыл дверь, как внёс её в дом, как уложил на кровать. Круговерть всё набирала скорость. Но это было даже приятно и Наташе не хотелось, чтобы всё прекратилось. А он всё целовал и целовал. Когда выпускал её губы, то шептал нежные слова. Сердечко, переполненное счастьем, часто и громко билось, отдаваясь ударами в ушах вперемешку с его голосом.

В тёмном доме лишь белое покрывало и горка подушек, словно ориентир, виднелись от совсем небольшой полоски света яркой полной луны, что проникала сквозь ставни. Александр, переполненный чувствами от предстоящей близости, безошибочно, не оступившись, дошёл до кровати и упал на неё вместе с Наташей, не прекращая осыпать её ласками. Его руки медленно, но верно продвигались к намеченной цели. Он, нежно дотронулся до девичьей груди, заставив её вздрогнуть. Но тут же поцелуи вновь расслабили напрягшееся тело Наташи. Через несколько секунд, она уже не пыталась убрать его руки. Он гладил, мял, слегка надавливал на упругие небольшие бугорки. Поняв, что грудь ещё не отягощена лифчиком, Александр довольно улыбнулся – нет лишнего препятствия. Он начал одной рукой расстёгивать пуговицы на платье, а другой – приподняв подол, наткнулся на резинки от пажей. Мысли чётко пронеслись в голове Александра. Для него это была не первая, так резко нахлынувшая любовь, а очередная жертва. Понимая, что не стоит тратить время на чулки и пажы, Александр провёл рукой по бедру девушки, проникнув пальцами под трусики. «Без начёса», – усмешка пронеслась в голове. Наташа, испугавшись, дёрнулась и постаралась убрать его руку, слишком рьяно пытающуюся удалить такую слабую защиту. Стыд хоть и не сильно, но всё ещё брал верх. Но вновь поцелуи затмили сознание девушки. Осталось только желание, стремительно растекающееся по всему телу. Наташа, тяжело дыша, всё ещё старалась остановить его, но тело кричало

об обратном. Оно просило его не останавливаться, рвалось к нему, к новым ощущениям, к новым знаниям, к новым чувствам...

– А-а-а, – со стоном вскрикнула девушка...

– Наташа! – вскакивая в бреду, кричала уже не в первый раз Галина. – Наташа! Наташа! – всё-таки жила в материнском сердце любовь, которую она усиленно прятала за строгостью и наказаниями. И сейчас это естественное для каждой матери чувство вырвалось наружу. Жар не давал контролировать сердце, и оно кричало, звало свою дочь, чувствуя, что с ней беда.

– Ложись, ложись, всея хорошо, – успокаивал Павел жену, но та вырывалась, продолжая звать дочь.

– Спать она ужо, спать, – пытался обманом успокоить Галину Павел. – Спать, – он погладил жену по голове и, уложив, поцеловал в лоб. Галина, увидев глаза мужа, успокоилась и, веря ему, легла. Он, смочив полотенце в тазу, стоявшим рядом с кроватью на табурете, протёр лицо Галины, потом положил холодную материю на лоб.

– Успокойся родная моя, всё хорошо, успокойся.

Постепенно Галина забылась сном, а Павел, выйдя во двор, пошёл к калитке и посмотрел на дорогу.

Уже несколько раз отец выходил, надеясь увидеть дочь. Сердце разрывалось. Павел хотел бежать, найти Наташу, но в доме огнём горела в бреду жена. Одно лишь успокаивало отца, что дочь ушла не одна. Она с Фёдором, а, значит, ничего не случится плохого.

Если бы он только знал...

Выйдя покурить, некоторое время назад, он присел у стайки и не видел, как Фёдор довёл Егора до дома. Слышал пьяные бормотания соседа, как скрипнула сначала их калитка, а потом и дверь в доме, как закричала Любка, получая очередной «урок» от мужа, но продолжал сидеть на корточках и курить. Если бы он встал, то увидел и Фёдора.

Если бы...

Наташа тихо лежала, прижавшись к стене. Александр, удовлетворённый, крепко спал, раскинувшись на всю кровать. Девушка с трудом вспоминала всё, что произошло. Слезы беззвучно катились по лицу. Ломящая боль внизу живота не уходила. Совсем не того ожидала Наташа. Ей казалось, что всё произойдёт иначе. Не так быстро и не так... больно. Подтягивая ноги к животу и потом вновь вытягивая их в струнку, она пыталась унять боль. Но та словно и не собиралась покидать тело девушки. Понимая, что надо встать и уйти, Наташа продолжала лежать и вспоминать. Странное чувство разливалось по телу. Казалось, именно она виновата, что так вышло. Если бы всё вернуть. Вспоминала, как сидели у костра, как потом шли по деревне, как сама привела его сюда, как позволила ему...

Не стоило так сопротивляться, тогда всё произошло бы иначе, не так, как случилось. Наташа повернула голову и взглянула в лицо мужчине. Глаза привыкли в темноте и почти все черты были хорошо различимы. Чувство, возникшее, как только они встретились взглядами, стало ещё сильнее, даже несмотря на боль...

«В первый раз всегда так, любовь моя, – вспомнила она слова Александра. – Завтра будет лучше, тебе обязательно понравится. Сладкая моя, мы теперь всегда будем вместе».

Наташа сжималась, заставляя себя поверить, что это действительно только в первый раз, а потом...

«Девочка моя», – постоянно звучало в голове, убеждая, что она поступила правильно. «Солнышко моё», – слышалось ещё недавнее нашёптывание на ушко.

Наташа сжала губы, стараясь удержать рвущуюся наружу боль.

«Почему так больно? – мысли путались. – Что скажет мама?»

Александр, достигнув цели, уже не задумывался о том, кто перед ним.

Приятное чувство от соития захватывало его настолько, что, причиняя боль, он совсем не собирался утешать. Главным для него становилось получение наслаждения, а не забота о партнёрше. А уж играть с неумелой девчонкой, как только добивался своего, ему не доставляло удовольствия. В эти моменты он предпочитал мечтать о том, когда она сама начнёт прибегать к нему и ласками добиваться близости. И всё его обаяние заканчивалось, как только плоть проникала в лоно, и большее наслаждение он испытывал, если это была именно девственница. Дальше его уже не волновали чувства той, с которой он совершал акт соития. С первой секунды для него существовали лишь его чувства, и он мгновенно превращался из ласкового обольстителя в грубое животное. Он даже начинал рычать, как зверь. И крики, издаваемые той, что становилась объектом вожеления, ещё больше возбуждали разгорячённые мозг и плоть.

Опустошённый и уставший, Александр откинулся на кровать и только то, что его рука всё ещё касалась девичьего тела, напомнило ему, что он не один. Зевая и отворачиваясь, он произнёс фразу, которую, наверно, да этого слышали очень и очень многие:

– В первый раз всегда так, любовь моя, – широко зевая, растягивая слова, продолжил: – Завтра будет лучше. Тебе обязательно понравится, сладкая моя. Мы теперь всегда будем вместе... – и на последнем слове уснул, громко захрапев, не думая о чувствах плачущей рядом девушки.

Наташа, осторожно, прижимаясь к стене, стала подниматься и перемещаться к краю. Держась за железную спинку кровати, она аккуратно шагнула на пол, стараясь не задеть ноги спящего Александра. Он не удосужился снять с неё туфельки. И в порыве страсти, когда Наташа, испытывая боль, пыталась вырваться, застёжки на туфельках не выдержали. Наташа, тихо всхлипывая, попыталась найти трусики. Поправив чулки, застегнула пуговицы на платье. Ремешки на туфельках упорно не хотели застёгиваться. Тихо вышла из дома. Рассвет приближался. Но ещё можно остаться незамеченной, если быстро пробежать по улице. Добежать до дома и постараться попасть к себе в комнату, чтобы не услышали ни брата, ни родители.

Вот уже и родная калитка. Наташа оторвала взгляд от дороги и посмотрела на отца, стоявшего во дворе у забора. Девушка на несколько секунд замерла, молча, глядя в глаза Павлу, а потом, толкнув калитку, быстро побежала в баню, не обращая внимания на попытки остановить её.

Павел, прислушиваясь, стоял у дверей бани, не решаясь открыть их. Отец понял, что случилось, но ругать или упрекать дочь не собирался. Лишь одно желание – успокоить, обнять, прижать к себе, приласкать, убрать ту боль, что растекалась сейчас по телу дочери. Он даже не думал в этот момент – кто? Он лишь хотел дать дочери любви и защиты.

А Наташа, сидя на лавке в бане плакала, уже не сдерживая себя, громко всхлипывая, размазывала слёзы по лицу.

«Ну, почему так больно?» – одна лишь мысль пронеслась в голове.

Эта боль совсем не ассоциировалась с теми чувствами, что испытывала девушка до случившегося. Тогда казалось, произойдёт что-то очень прекрасное, о чём изредка, краснея и стесняясь, шептались с подружками. Думала, это случится ещё нескоро, но оказалось, оно совсем рядом. Счастьем наполнилось всё тело, но оно так резко оборвалось, как только плоть взрос-

лого мужчины с силой проникла в неё, изменяя в мгновение окружающее, возвращая способность понимать, что происходит, где она и кто рядом...

– Больно, больно, больно... – тихо, как израненная собака скулила Наташа, сползая с лавки на пол, сворачиваясь в комочек. Ей казалось, что его плоть всё ещё в ней. Очень хотелось избавиться от неё. Убрать это чувство, удалить эту боль. Но как?

Павел долго сидел на колоде возле бани и ждал, пока Наташа не вышла. Она осторожно приоткрыла дверь и, увидев отца, опустила глаза. Он бросился к ней, обнял, и стал говорить что-то доброе, ласковое. Девушка не понимала слов, будто они проносились где-то далеко. Она лишь крепко прижалась к родному и близкому человеку, чувствуя как боль, наконец-то, покидает её.

Бурёнка, напомнив о себе, заставила вздрогнуть отца и дочь.

– Пойду, подою, – тихо сказала Наташа, смахивая остатки слёз. И оторвавшись от отца, побежала в стайку, схватив ведро, висевшее на заборе. Павел тоже утёр кулаком лицо и пошёл следом за дочерью. Забрал ведро и сказал:

– Иди, поспи, я сам.

Наташа, стараясь не смотреть ему в глаза, кивнула и убежала к себе в комнату. Упала на кровать, уткнувшись лицом в подушки. Но не сном встретила её постель, а воспоминаниями о костре, песне, глазах, голосе...

Нечасто приходилось Павлу доить коров, да ещё именно эту, трёхлетку. Та, которую заменили Бурёнкой, потому как постарела и молока почти не давала, лучше подпускала Павла к себе. А эта упрямец, непривыкшая к рукам мужчины, совсем не была расположена к нему.

Но он, не обращая внимания на недовольное мычание, на переступание ногами и хлестанье его хвостом, продолжал упорно доить недовольную кормилицу.

Павел, крепко зажав ведро ногами, сидел, с трудом уместаясь на маленькой табуретке, и прижавшись головой к боку Бурёнки, старался успокоить её монотонным монологом:

– Ну, потерпи. Ужо немножко осталоси. Ну, некому тебя седня подоить. Приболела твоя хозяйка, и Натаха... Не может она седня. Ну, ужо потерпи, милая моя, потерпи...

Бурёнка, посматривая на мужчину, продолжала недовольно мычать, и хлестать его хвостом. Пару раз наступила Павлу на ногу. Но тот, слово и не замечал. Думал о другом, продолжая уговаривать:

– Ужо скоро, не волнуйси, немножко осталоси...

Глава 3

Галина проснулась, испытывая в груди сильную боль и жажду. Прокашлялась и, постанывая, повернулась. Облизывая пересохшие губы, протянула руку к табурету, стоявшему рядом с кроватью, в надежде, что там окажется кружка воды. Но заметив чей-то силуэт через приоткрытую дверь спальни, замерла. Часть горницы хорошо просматривалась. Тяжело дыша и прищуриваясь от ломоты в глазах, видимо, из-за высокой температуры, попыталась рассмотреть того, кто стоял там, повернувшись к ней спиной. Воздух перед глазами колыхался, размывая предметы, превращая всё в пустынный мираж.

У окна, облокотившись правой рукой о стену, стоял мужчина. Он внимательно что-то разглядывал во дворе, постоянно, то приближая лицо к стеклу, то отдаляясь. Второй рукой мужчина придерживал занавеску, чтобы та не мешала ему. Он медленно обернулся и посмотрел на Галину.

– А! – испуганно вскрикнула та, прикрыв рот рукой. На неё смотрел Сашка: молодой, красивый, словно и не ходивший ещё в армию. Парень полностью повернулся, поправил рубаху, потом резко провёл руками по ремню и сделал пару шагов, оказавшись прямо в проёме двери. Ухмыляясь, погрозил пальцем. Сашкины губы чуть шевельнулись, не издав ни звука, но Галина отчётливо услышала:

«Должок. Должок за тобой. Пора платить...»

Слова несколько раз прозвучали в голове. Галина, испуганно глядя на Сашку, всё грозившего ей пальцем, тихо завывала, натягивая на себя одеяло, стараясь спрятаться.

Сашка наклонился, чтобы не стукнуться головой о дверной косяк и, заглянув в комнату, спросил:

– Ты звала меня?

Галина ненадолго потеряла способность дышать. Потом, захрипев со свистом, сделала глоток живительного воздуха. В проёме дверей стоял Павел. Наваждение исчезло. Галина смотрела на мужа глазами, полными ужаса.

– Ты чёго? Чё ли приснилось чё? – Павел подошёл к кровати, присел и нежно погладил Галину по голове. – Пить хошь? – он поднёс ей отвар.

– Да, – кивнула Галина, продолжая испуганно смотреть на Павла. Она немного приподнялась и с жадностью припала потрескавшимися губами к кружке. Утолив жажду, откинулась на подушку, и, глубоко вздохнув, вновь закашлялась. Павел чуть повернул её набок и придерживал, пока приступ не закончился. Потом поправил подушку и помог удобно лечь.

– А ты... почему дома?... Сейчас же день? – неуверенно спросила Галина.

– День, день, – закивал Павел. – Фельшерка приехала. Я в правление забежал, просил к нам зайти, вот дождуси её и пойду. Мож, покушаешь? Натаха с утра лапши наварила.

– Нет, не хочу.

– Ну, хоть немного? С потрошками, – улыбнувшись, он наклонился низко к лицу Галины и с мольбой посмотрел в глаза. Потом поцеловал в лоб.

– Хорошо... – сдалась она, чуть улыбнувшись, – Только немного... и пожиже.

– Ага, – Павел быстро подскочил, пока жена не передумала, выбежал из спальни и, достав чугунок из печи, почерпнул половником супа. Налил в миску и, прихватив ложку, вернулся.

Галина и пару раз вздохнуть не успела, а Павел уже сидел рядом с миской в руках и взглядом, дающим понять, что теперь отказаться от еды у неё не получится.

С трудом проглотив три ложки супа, Галина, чуть приподняла руку и остановила мужа:

– Всё... не могу больше... устала, – сказала она, делая паузу после каждого слова. – Потом поем... Ты оставь тут, – она кивнула на табурет.

Павел поставил на него миску и вновь поцеловал жену в лоб.

– Горяча ты сильно. А можа, ешшо попьёшь? – Галина отрицательно мотнула головой. – Ну ладно, полежи, можа и уснёшь.

Она, соглашаясь, прикрыла глаза и чуть повернула голову в сторону.

Павел вышел в горницу и осторожно притворил за собой дверь, чтобы не скрипнула.

Галина открыла глаза. Сон не шёл. Тело изнутри горело. Сашка, как живой, всё стоял перед ней, грозя пальцем.

Жгучие слёзы беззвучно потекли из глаз. Воспоминания затуманили взор, заставив вернуться в прошлое...

Июль 1967 год:

Коровы требовательно мычали, не желая ждать очереди. Доярки, работая вручную, ловко управлялись, быстро забирая накопленное за день молоко.

Любка, бегающая домой, чтобы накормить грудного сына, влетела на ферму с криками:

– Ой, бабы! Чёго я сейчас видала! Сашка-то Еремеев, вернулси! – схватив себя за голову, кричала она, подбегая к заждавшимся уже её коровам.

Ольга, услышав имя сына, встрепенулась и, оторвавшись от работы, встала и посмотрела в сторону горластой Любки.

– Ага, тётъ Оль, – увидев взволнованную женщину, прокричала та, – возвернулси твой Сашка! Беги скорее! А твоих я и сама подою.

– Беги, беги, – замахали на неё руками и другие доярки. – Мы тут сами управимси.

Ольга от волнения закрутилась на одном месте, не зная, за что ухватиться. Сняв фартук, утёрла им лицо и, не найдя куда кинуть, стала оглядываться. Одна из доярок, самая старшая – тётка Пелагея – пришла ей на помощь. Старушка взяла фартук и, погладив по спине Ольгу, улыбнулась и, стараясь подбодрить, сказала:

– Иди, иди Оленька. Сын ведь, – и слегка подтолкнула в спину. Ольга направилась к выходу, постоянно оглядываясь на женщин, провожающих её удивлёнными и сочувствующими взглядами. Давно пропал Сашка и уж все считали, что нет его в живых.

Постепенно ускоряя шаг, Ольга выбежала с фермы и полетела по дороге в деревню, утирая на ходу слёзы платком, сорванным с головы. Десять долгих лет ни одной весточки. И не думала уже, что свидятся. Она бежала, не чувствуя земли под ногами. Бежала, радуясь и боясь того, что может увидеть. Глаза сына все десять лет стояли перед матерью. Страшный, пустой взгляд. Так не хотелось, чтобы он оставался прежним. Так хотелось верить, что сын вернулся тем, каким был раньше. Будто и не было этих лет, не было ничего, что так ранило сердце матери.

Как только Ольга выбежала с фермы, Любка, задыхаясь от нетерпения и стараясь перекрыть мычание надоенных коров, заголосила:

– Ох, бабоньки! И страшной же он! Божечки ж ты мой! Я как увидала, чуть не онемела. Ох, и побила его жизнь. Я ведь и не узнала его вовси. Кода домой бежала... – Любка от избытка эмоций хлопнула себя ладонями по щекам, – ...встретила, аж перекрестиласи. Ой, как напужаласи. Потом думаю, и кто его такой? А как покормила Серёньку, выхожу, а он у Ольги дрова рубить. А-а-а... – схватила она за грудь, раскачиваясь как маятник. – Подошла и говорю: «Кто такой?» А он засмеялси. Ой!.. – руки Любки перепрыгнули на рот, прикрыв его, но, передумав, она вновь вернула их на грудь, скрестив. Закатив глаза, словно бельма слепые, она изобразила, как ей стало страшно, и продолжила кричать: – Я чуть там и не померла. Ой, и страшной же он! Ой, страшной! Зубов нету, нос набок. Смеётся и говорить мне: «Чё, не признала?» А глаза... Ой, бабоньки!.. Глаза таки, что ночью встретишь, точно со страху умрёшь. Настоящий чёрт!

Закончив рассказ о Сашке, Любка без перерыва приключилась на другую новость. Женщины, давно привыкшие к её постоянным сплетням и пересудам, слушали в пол-уха, занимаясь дойкой.

– Я же ешшо в магазин забежала! Вчера Тамарка говорила – кримплону привезёт. Так, это, привезла же! Завтре она отпускать будет. Я записаласи. И тебя, Галка, записала. Слышишь?! – выглядывая из-за коровы, крикнула она соседке.

Галина, продолжая доить, негромко ответила:

– Слышу, мне не надо, – сейчас она думала совсем о другом: «Значит, вернулся. И зачем только? Столько лет прошло. А вдруг он?..»

Но Любка умудрилась расслышать ответ и, обрадовавшись, прокричала:

– Я тады себе возьму! Только ты со мной завтре в магазин сходи, а то Тамарка не отдасть!..

Возвращаясь с фермы, Галина всё больше чувствовала волнение, нарастающее в груди. Даже постоянно тараторившая Любка, шедшая рядом, не могла отвлечь её от накативших лавиной мыслей и воспоминаний.

Одно радовало – Павел ещё не вернулся. Сенокос в полном разгаре, а он уехал на дальние поля. Галина ждала его лишь к концу недели. А, может, к тому времени Сашка вновь исчезнет из их жизни?

Дойдя до своего забора, Галина, не поднимая головы, быстро отворила калитку. Побежала к крыльцу, боясь взглянуть на соседский двор. Любка, зайдя к себе, заметила Сашку, стоявшего у забора, разделяющего их с Галиной дворы, и не спешила уйти в дом. Надеясь увидеть или услышать что-то интересное, соседка – любительница сплетен, решила подождать, заняв своё любимое место для наблюдения возле поленницы.

– Привет! – окликнул Галину знакомый голос. Она, вздрогнув, остановилась и повернула голову в сторону Еремеевского дома. Сашка стоял, облокотившись о забор. – Куда торопишься? Может, поговорим? Давно не виделись.

– Привет, – прошептала Галина. – Вернулся?

– Как видишь, – улыбнулся Сашка, показав пустые дёсны. – Пашка-то на сенокосе?

– Да, – кивнула Галина. Озноб прошиб тело, заставив зубы стучать.

– А я смотрю, вы в дом перебрались, а родителей в пристройку выселили? Хитро! Сама придумала?

– Не-нет. О-они с-сами, – попыталась оправдаться Галина, начиная заикаться.

– Сами? – усмехнулся Сашка. – Да, ну. Знаю, чё ты это всё удумала. Наверно, захотела, чёбы ни видеть? С глаз долой и с сердца вон? – он громко рассмеялся, кивая в сторону сеновала.

– С-сами они, с-сами, – повторила Галина. – Марина в город уехала. В медицинском учится, год остался, ну и они предложили, а то нас много, вот и...

– Много? – прервал её Сашка. – Ну, да... ну да... – ухмыляясь, кивал он. – Слышал ужо. Молодец Пашка. Настрогал тебе пацанов. Али кто ему помог? – вновь громко рассмеялся он.

Галина не ответив, быстро вбежала в дом.

– Чё зенки-то вылупила?! – крикнул Сашка Любке, стоявшей от любопытства с открытым ртом. – Всё сплетни собираешь? Мало тебя Егор учить? Смотри, осерчает, да и совсем прибьёт!

– А чё я?! – возмутилась Любка. – Я бельё собираю, – и стала быстро стягивать пелёнки с верёвки.

– Во-во, давай беги, а то сын-то там ужо, наверно, сиську просить, – сплюнув, Сашка развернулся и пошёл к крыльцу. Присел и закурил.

Галина забежала в дом, задыхаясь от страха. Она всё ещё видела Сашкины глаза. Так он никогда на неё не смотрел. Не изуродованное лицо, а именно взгляд испугал её настолько, что, не зайдя к детям, она сразу убежала в спальню и, упав на кровать, завывала, уткнувшись в подушку.

В комнату тихо вошла Арина Фроловна – мать Павла.

– Ты чёго это, Галочка? Чёя случилось? – присев рядом, она погладила сноху по спине.

– Нет, ничего. Устала просто, – стараясь, успокоится, Галина вытерла глаза и присела. – Всё нормально. Ребята спят?

– Давно уже спят, – кивнула свекровь. – Мальчёнки-то хорошо поели, а Натаха... – махнула она рукой. – Ай, сама знашь, как она ест. Так, поклевала немного, як птичка. А Мари-нушка письмо прислала. В августе, на две недельки приедут. С мужем. Накупила там всего для ребят.

– Может, в Евдокиеном доме их поселить? – предложила Галина. – Пусть там поживут. А то им сейчас, наверно, одним хочется побыть?

– Ну, можа и тама. Да, наверно, и вправду, тама лучше. И им сподручнее будеть одним. И нам толкотни меньше, – соглашаясь, кивала свекровь.

– Завтра пораньше приду. Степан обещал к утру починить электричество, а то сегодня совсем замучались, пока всех подоили.

– Я уж тоже хотела на ферму бежать, да Оля сказала, сами тама управитись.

– Сегодня просто ад был. Отключилось всё сразу. Но ничего, не в первый раз. Управились, – ответила Галина и, вздохнув, добавив: – Да и не в последний, видать.

– Это точно, – соглашаясь, часто закивала Арина Фроловна. – И чёго только Кирилл думайт, давно надоть всёя там провода менять.

– Говорит, нет средств.

– И то правда, – вновь закивала свекровь. – Таку войну пережили, всё ешшо восстанавливають... уж не о нас государству думать. Но ничёго, ничёго, всё наладитси. Пойду я, доча. Квашню ешшо надо проверить.

Выходя из комнаты, свекровь обернулась и осторожно спросила:

– Сашку-то видала? Возвернулси он.

От упоминания соседа Галину бросило в жар. Она, вздрогнув, посмотрела на свекровь с испугом.

– Видала, значить... – покачала Арина Фроловна головой. – Ох, мало горя Ольге, ешшо и это, – тяжело вздыхая, она ушла.

На следующий день Галина смогла пораньше освободиться и решила, не заходя домой, сразу отправиться в дом, доставшийся ей после смерти Евдокии.

Любка, бежавшая следом, всё же уговорила зайти сначала в магазин и выкупить крим-плен, записанный на неё и Галину. Соседка, радуясь, прижала к груди пакеты с материалом и счастливая понеслась домой, оставив в покое Галину. Та только и успела крикнуть ей, чтобы предупредила свекровь, что задержится.

Хоть и убралась в Евдокиевом доме всего дня три назад, но сейчас приезд золовки Галину обрадовал. Появилась причина задержаться и вернуться домой как можно позже, мышкой проскользнуть в темноте мимо соседского забора и остаться незамеченной. И поэтому, подходя к дому, где выросла, Галина надеялась, что сегодня уж точно сможет избежать встречи с Сашкой.

Зайдя, сразу присела на кровать. Улыбнувшись воспоминаниям, погладила рукой белоснежное покрывало, подарок к свадьбе родителями Павла и обвела взглядом горницу. Хоть и большой был дом, но состоял из одной комнаты. Когда-то Евдокия поделила её шторами, да

ширмами на горницу, пару спаленок и небольшой закуток у печи. В войну хозяйка приютила у себя маленькую девочку с контуженой старухой, глядевшей на всех безумными глазами. Этот дом, стал для Галины своим. Давно она убрала все эти перегородки. Только печь, стоявшая почти по центру, делила комнату на две части.

Хоть и не жил никто в доме, но Галина часто приходила сюда, открывала ставни, брала это белоснежное покрывало, что жалела стелить дома, снимала наволочки с подушек, стоявших горкой, занавески с окон. Перестирывала всё, высушивала на дворе под солнцем, выбивала перину с подушками, мыла пол, и вновь, заправив и застелив кровать, закрывала ставни и оставляла дом ждать её.

Отдохнув немного, вспоминая детство и юность, Галина принялась за работу. Выстирав всё и развесив во дворе для просушки, принялась за пол.

Домывая уже порог, Галина столкнулась с кем-то и упала, чуть не ударившись о ведро с водой. Обернулась – Сашка, усмехаясь, стоял в проёме дверей, скрестив руки и опершись спиной об косяк.

– Испужаласи? Раньше вроде не шарахалась от меня, – он шагнул в дом. Галина, попыталась встать, но запнулась о ведро и, перевернув его, вновь упала. Поскальзываясь, стала отползать от Сашки. Страх всё нарастал, сковывая душу. Сашка резко бросился к ней и, прижав к полу, прошипел, как змея:

– Думаешь убежать, стерва? Не выйдешь.

– Ты, чего? – испуганно зашептала Галина. – Пусти.

– Пустишь?! Не-е-ет, – протянул Сашка, глядя на Галину наливающимися кровью глазами. – Ишь чёго захотела, сучка! Наперёд ты мне заплатишь за всё, – ухмыляясь, он смотрел пустым взглядом, словно перед ним было не человеческое лицо, а бездна.

– Я буду кричать, – прошептала Галина, чувствуя, как перехватывает горло.

– Кричи. Так ешшо лучше. Люблю, когда бабы орут, – глаза его наполнились кровью настолько, что уже и не различить было радужки. В слабо освещённом доме они стали походить на две чёрные дыры. Сашка, тяжело дыша, крепко сжал одной рукой шею Галины, а другой стал срывать с неё одежду. Всё больше пугаясь его взгляда, Галина пыталась сопротивляться. Она сейчас не думала о том, что может случиться. Сейчас её пугали лишь его глаза. Она уже не видела ничего вокруг. Не слышала, что выкрикивал рот Сашки. Только эти чёрные дыры, словно сам дьявол пришёл наказать её. Задыхаясь, Галина моментами теряла сознание, но, приходя в себя, продолжала чувствовать. Движения Сашки стали ещё более грубы, чем раньше. Сейчас рядом с ним находилась не любимая женщина, а та, кого он винил во всех своих бедах, и теперь он не сдерживался. По-звериному удовлетворяя свою похоть, он изнасиловал Галину несколько раз, не забывая и избивать попутно. Но, находясь в диком возбуждении, он всё же не бил её по лицу. Видимо, только оно ещё напоминало ему о чём-то хорошем, но давно забытом. Все удары шли в грудь и живот, заставляя Галину подчиняться.

Насытившись, Сашка, держа её за волосы, подтянул близко к своему искажённому злобой лицу и, скалясь, прорычал:

– На сегодня с тебя будя, сука! Но ты, тварь, ещё не отдала мне весь долг. Придёшь сюды завтра! – Он плюнул ей в глаза и замахнулся. Но, сдержавшись, оттолкнул от себя.

Сашка ушёл, а Галина, не в силах встать, лежала на полу. Боль и обида переполняли её настолько, что сил, чтобы подняться не осталось. Слез не было, одна только мысль: «Что делать?»

Ненависть поднималась в груди. Теперь это был не тот Сашка, которого она решила проучить. Теперь это был зверь, и именно она его сделала таким. То, что казалось правильно десять лет назад, сейчас острым ножом рвало её душу на части.

Сейчас всё стало иначе. Сашка ненавидел её. Любовь осталась в углу той стайки, где его чуть не убил Павел. Теперь в сердце бывшего ухажёра жила лишь ненависть. И он вернулся мстить. Это Галина поняла сразу.

– Что делать? – прошептала она, всё сильнее прижимаясь к полу, будто ища у него защиты. – А если он?.. – испугавшись своих мыслей, она, забыв о боли, резко села. – Нет. Паша ему не поверит! – постаралась убедить сама себя. – Нет, не поверит!

Поднявшись с пола, Галина осмотрелась, понимая, что сейчас нельзя выходить из дома. Сев на лавку, дождалась, пока луна высоко взойдёт, потом тихо вышла во двор набрала из бочки дождевой воды, помылась в доме, сожгла в печи вещи, оделась в одно из платьев Евдокии, похвалив себя мысленно, что оставила их. «Вот и пригодились». Перемыла вновь пол и только под утро вернулась к себе домой как раз успев подоить корову перед уходом на ферму.

Весь день в голове вертелись слова Сашки. Мысли, набегая одна на другую, заставляли вновь и вновь испытывать тот страх и унижение, которым подверг её он. Неужели теперь придётся подчиняться ему? Опять, как и всегда всё происходит не так, как ей бы хотелось. Опять за неё принимают решения. Но выхода она не видела. Придётся вновь вечером идти в дом Евдокии. А что потом? Паша вернётся, и что будет потом?

На следующий вечер, придя домой, Галина мельком взглянула на соседский дом. Сашка копался в огороде.

Вернувшись, после десятилетнего отсутствия рассказал он матери, что надолго не задержится. Работает на рыболовецком судне и приехал лишь в отпуск, не забыв попросить у неё и прощенье за то, что не писал. Всё это Ольга поведала женщинам на ферме, и этим успокоила Галину. У той появилась надежда: «Побудет, да и уедет опять, а там... может, и не вернётся больше... никогда. Надо только перетерпеть».

Накормив и уложив спать детей, Галина зашла в пристройку к свёкрам, застав их за спорами:

– Ты только посмотри, чёго ето он удумал?! – размахивая руками, говорила Арина Фроловна, обращаясь к снохе. – Задыхаться совсем, не можить в правлении сидеть. Говорить душно ему тама. Дык решил в пастухи...

– И чё? – перебил её Иван Савельевич. – Тама хотя на воздухе цельный день, а то, как закашляюсь, дык и не могу совсем. Да и не моё ето. Сколько мог на тракторе работал, хоть и с одной, а всё ж. А... – обречённо махнул он единственной рукой и отвернулся к окну. – Не понять тебе.

– Может, папа, вам в райцентр, в больницу съездить? – спросила Галина, присаживаясь рядом за стол.

– Да чёго дочка я там забыл? – посмотрел он в глаза снохе. – Етот гад совсем дышать не даёт, – потёр он рукой грудь в том месте, где с войны сидел осколок. – Куды его они денуть-то?

Уже давно кашлял Иван кровью, да молчал, скрывая от родных, да и боль с каждым днём казалась сильнее. Но больше всего его доставало излишнее внимание, какое оказывали ему в правлении. Дабы не оставить фронтовика без работы придумал председатель для него должность никому не нужную. Вот это и мучило сильнее всего Ивана Савельевича. Понимал, что из жалости выделили ему стол и стул в правлении. А не в его правилах было становиться обузой. Вот и решил, что наутро скажет председателю о своём желании пойти работать пастухом.

– Чёго они мне там сделают? – продолжал он. – Таблеток надают? Так вона... – кивнул в сторону печи, – ...мне, Маринка, и так целну бандероль прислала. А приедить в гости, так и ешо привезёт.

– А может, и правда, мам, – обратилась Галина к свекрови, – на воздухе легче будет, а зимой в больничку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.